КРИНЫ СЕЛЬНЫЕ
или
ЦВѢТЫ ПРЕКРАСНЫЕ

Великій старецъ схимонахъ и Архимандритъ
Паисій Величковскій.

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

АРХИЕПИСКОПА КРАСНОДАРСКОГО

И КУБАНСКОГО ИСИДОРА

КРАСНОДАРСКОЕ
ЕПАРХИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КРИНЫ СЕЛЬНЫЕ

или

ЦВѢТЫ ПРЕКРАСНЫЕ,

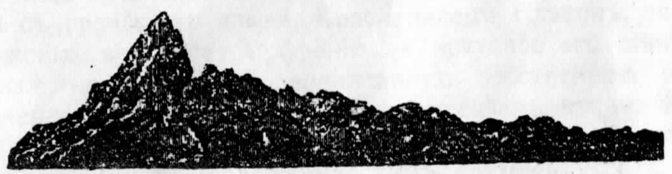
собранные вкратцѣ отъ Божественнаго Писанія.

О заповѣдяхъ Божіихъ и о святыхъ добродѣтеляхъ

Архимандрита Паисія

Величковскаго

ИЗДАНІЕ РУССКАГО СВЯТО-ИЛЬИНСКАГО СКИТА НА АѲОНѢ

Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ библіотекѣ русскаго Свято-Ильинскаго скита на Аѳонѣ имѣется рукопись, писанная на полуславянскомъ нарѣчіи (подобномъ нарѣчію Четій-Миней св. Димитрія Ростовскаго), церковно-славянскими буквами. Объ этой рукописи сохранились слѣдующія устныя свѣдѣнія. Въ двадцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія молодой послушникъ одного изъ россійскихъ монастырей (крестьянинъ Орловской губерніи) перешелъ въ Нямецкій монастырь въ Молдавіи, славившійся тогда высокою духовною жизнью своихъ иноковъ и аскетическими сочиненіями бывшаго въ немъ игумена—знаменитаго старца Паисія Величковскаго, скончавшагося въ немъ въ 1794 году. Этотъ послушникъ, принявши на новомъ мѣстѣ жительства монашескій постригъ съ именемъ Софронія, долго пребывалъ въ монастырѣ, въ коемъ засталъ многихъ учениковъ великаго старца Паисія, и въ томъ числѣ инока краснописца Платона, переписывавшаго еще при жизни старца Паисія его сочиненія и переводы съ греческаго языка. Краснописецъ Платонъ, по расположенію къ иноку Софронію за искусное его пѣніе на клиросѣ, подарилъ ему переписанную собственною рукою означенную рукопись и при этомъ высказалъ, что помѣщенныя въ ней 45 аскетическихъ словъ, проникнутыхъ строго свято-отеческимъ подвижническимъ духомъ, составлены старцемъ Паисіемъ.

Въ 1836 году инокъ Софроній, оставивъ Молдавскій Нямецкій монастырь, поступилъ на жительство въ Свято-Ильинскій скитъ на Аѳонѣ, основанный старцемъ Паисіемъ

Величковскимъ, во время его жительства на святой горѣ. Въ этомъ скиту инокъ Софроній скончался въ 1867 году, на 72 году жизни, оставивъ въ сей обители принесенную имъ означенную рукопись, о которой выше объясненное онъ сообщилъ многимъ братіямъ скита.

По содержанію мыслей, проникнутыхъ строгимъ святоотеческимъ подвижническимъ духомъ, по характеру изложенія, отличающагося простотою и въ высшей степени убѣдительностію, рукопись весьма напоминаетъ извѣстныя въ печати сочиненія старца Паисія, ревнителя словомъ и дѣломъ внутренней духовной монашеской жизни, что и служитъ подтвержденіемъ достовѣрности означенныхъ библіографическихъ устныхъ сообщеній о ней. Но нельзя положительно утверждать: принадлежитъ ли рукопись къ самостоятельнымъ произведеніямъ отца Паисія, или къ переводнымъ, или даже къ простой выпискѣ изъ святоотеческихъ и другихъ писаній, ибо всѣмъ этимъ онъ занимался, и все это можно замѣтить въ рукописи, которую, въ переводѣ на русскомъ нарѣчіи, и издаетъ Свято-Ильинскій скитъ для душевной пользы всѣхъ монашествующихъ, особенно ревнующихъ объ уединенной аскетической жизни; а нѣкоторыя слова въ ней весьма полезны и для свѣтскихъ лицъ.

Крины сельные или цвѣты прекрасные

Моленіе о Чашѣ.

Слово 1. Краткое изложеніе мыслей, располагающихъ къ покаянію.

Вспомни душа моя, ужасное и страшное чудо, что твой Творецъ ради тебя сталъ человѣкомъ, изволилъ пострадать ради твоего спасенія. Его Ангелы трепещутъ, Херувимы ужасаются, Серафимы страшатся и всѣ небесныя силы непрестанно славословятъ, а ты несчастная душа остаешься въ лѣности; хотя отъ сего времени возстань и не отлагай душа моя любезная, святаго покаянія, сердечнаго сокрушенія и удовлетворенія (эпитиміи) за твои грѣхи. Отлагая же годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ, совсѣмъ не захочешь отъ сердца покаятися и не найдешь сострадающаго себѣ; о, съ каковымъ терзаніемъ начнешь каяться, но безъ успѣха. Имѣя возможность сегодня сдѣлать какое-либо добро, не отлагай, любезная душа моя, на

завтрашній святаго покаянія, потому что не знаешь, что породитъ сегодняшній день, или, какая бѣда случится съ тобою въ эту ночь; ибо не знаешь, что тебѣ принесетъ день или ночь: долгая-ли жизнь тебѣ предстоитъ, или вдругъ неожиданно получишь бѣдственную и скорую смерть? Нынѣ, любезная душа моя, время святаго покаянія; нынѣ, душа моя, время терпѣнія; нынѣ—время скорби терпѣть; нынѣ — время хранить заповѣди и добродѣтели исполнять; нынѣ— время плача сладостнаго и слезнаго рыданія. Если истинно хочешь спастись, душа моя, возлюби скорби, стенанія, какъ прежде любила покой; живи какъ бы ежедневно умирая; скоро пройдетъ жизнь твоя, какъ облачная тѣнь предъ солнцемъ и останешься безъ вѣсти; дни нашей жизни какъ бы на воздухѣ разливаются; не уступай и предъ самою тяжелою скорбью. Въ отношеніи къ людямъ, не говоря уже о неразумной, но и въ разумной скорби, не предавайся печали, не смущайся, не убѣгай; но считай себя какъ за прахъ подъ ногами ихъ. Безъ этого не можешь спастись и избѣжать вѣчной муки. Ибо скоро жизнь наша оканчивается, какъ одинъ день проходитъ. Если человѣкъ не сокрушитъ себя благочестно чрезъ добродѣтели, или не пожертвуетъ своею жизнію для исполненія заповѣдей Божіихъ и отеческихъ преданій, не можетъ спастись. Итакъ, любезная душа моя, вспомни всѣхъ святыхъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ и праведныхъ, юродивыхъ и всѣхъ отъ вѣка благоугодившихъ Богу. Гдѣ ты нашла святыхъ, которые не покорили бы плоть духу, или не пострадали бы въ тяжелыхъ бѣдствіяхъ и жестокихъ скорбяхъ? Они принимали тьмы бѣдъ, терпѣли алканіе и жажду, совершая бдѣніе и молитву днемъ и ночью, имѣли смиреніе и сокрушеніе сердечное, дѣтское незлобіе и всякое милосердіе, помогали другимъ во всякой скорби и нуждѣ, творили различныя подаянія и милостыню, по силѣ возможности; чего себѣ не хотѣли и чего ненавидѣли, того и другому не дѣлали, съ послушаніемъ, какъ купленные

рабы работая не какъ человѣку, но какъ Богу, съ мудрою простотою,—являясь не мудрыми, ничего не знающими, но только внимающими своему спасенію. О, человѣкъ! смерть предстоитъ тебѣ; если подвизаешься, то вѣчною жизнію почтенъ будешь въ будущемъ вѣкѣ. Всяческимъ понужденіемъ себя пріобрѣтается добродѣтель. Поэтому, если хочешь побѣдить страсти, то отсѣки сласти; если же гоняешься за пищею, то будешь проводить жизнь въ страстяхъ; не смирится душа, если плоть не лишится хлѣба, не возможно избавить душу отъ погибели, оберегая тѣло свое отъ непріятности. Посему обратимся къ первому; если хочешь, душа моя, спастись, пройти прежде указанный тотъ прискорбный путь, войти въ царство небесное, получить жизнь вѣчную, то утончи плоть свою, вкуси вольную горечь, понеси тяжелыя скорби, какъ всѣ святые вкусили и потерпѣли. Кода же человѣкъ приготовится и положитъ себѣ завѣтъ претерпѣть Бога ради всѣ находящія на него скорби, тогда легкими и безболѣзненными показываются для него скорби и всѣ непріятности и нападенія отъ бѣсовъ и людей; не боится онъ смерти, и ничто не можетъ разлучить таковаго отъ любви Христовой. Слышала ты, любезная душа моя, о томъ, какъ проводили свою жизнь святые отцы! Ахъ, душа моя! Хотя немного подражай имъ: не были-ли у нихъ слезы? Охъ, горе, душа моя! Не были-ли они печальны, худы и измождены тѣломъ? Охъ, горе, душа моя! Не были-ли у нихъ тѣлесныя болѣзни, большія раны и душевное со слезами сѣтованіе? Охъ, горе, душа моя! Не такимъ-ли, какъ и мы тѣломъ немощнымъ обложены они были? Охъ, горе, душа моя! Не было-ли у нихъ пожеланій прекраснаго, сладостнаго и легкаго въ мірѣ семъ и всякаго тѣлеснаго покоя. Да, желали; и тѣла ихъ поистинѣ болѣли; но они измѣняли пожеланія на терпѣніе и скорби на будущую радость. Они одинъ разъ навсегда все отрѣзали, почли себя за мертвыхъ, нещадно мучили сами себя въ духовномъ подвигѣ. Видишь ли, душа моя, какъ трудились

святые отцы, не имѣя покоя во всякомъ злостраданіи, покорили плоть духу, исполнили всѣ прочія заповѣди Божіи и спаслись. Ты же, жалкая, нисколько не хочешь понудить себя, отъ малыхъ трудовъ изнемогаешь, унываешь и никакъ не вспоминаешь смертнаго часа и не плачешь о своемъ согрѣшеніи; но привыкла, несчастная душа моя, объѣдаться, опиваться и лѣниться; развѣ не знаешь, что ты самовольно позвалась на мученія? И нисколько не терпишь; какъ же хочешь спастись? Хоть съ сего времени возстань, любезная душа моя, сдѣлай, что я тебѣ говорю. Если не можешь такъ какъ святые отцы трудиться, то хотя по силѣ твоей начни; со смиреніемъ въ сердечной простотѣ послужи всякому; зазирая свою немощь и охуждая себя, говори: горе тебѣ душа моя, окаянная, горе тебѣ скаредная; горе тебѣ всескверная, лѣнивая, нерадивая, сонливая, жестокая; горе тебѣ погибшая. Итакъ, мало-по-малу она умилится, прослезится, въ себя придетъ и покается.

Слово 2. Борьба противъ унынія, лѣности и разслабленія.

Когда сіе случится, тогда займи умъ размышленіемъ о смерти. Приди мысленно ко гробу, посмотри тамъ на четверодневнаго мертвеца: какъ онъ чернѣетъ, пухнетъ, испускаетъ невыносимое зловоніе, червями пожирается, потерявъ видъ и красоту. Посмотри въ другомъ мѣстѣ: тутъ лежатъ во гробѣ кости юныхъ и старыхъ, благообразныхъ и безобразныхъ, и разсуди: кто былъ благообразенъ или безобразенъ, кто былъ постникъ, воздержникъ и подвижникъ или нерадивъ, и принесло ли богатымъ пользу, что они покоились и наслаждались въ семъ мірѣ. Вспомни за тѣмъ безконечныя муки, о которыхъ говорятъ священныя книги огнь геенскій, тьму кромѣшнюю, скрежетъ зубовъ, тартаръ преисподній, червь неусыпающій; и представь себѣ, какъ

грѣшные взываютъ тамъ съ горькими слезами, и никто не избавляетъ ихъ, рыдаютъ, оплакиваютъ себя, и никто не сжалится надъ ними; воздыхаютъ изъ глубины сердечной, и никто не сострадаетъ имъ; умоляютъ о помощи, жалуются на скорби, и никто не внимаетъ имъ. Подумай, какъ тварь неизмѣнно, каждая въ свое время, служитъ Господу, Создателю своему. Размысли о преславныхъ чудесахъ Божіихъ отъ начала вѣка совершавшихся на рабахъ Его, и особенно о томъ, какъ Господь, смирившись и пострадавши нашего ради спасенія, облагодѣтельствовалъ и освятилъ родъ человѣческій, и за все это воздай благодареніе человѣколюбцу Богу. Вспомни будущую жизнь безконечную и царство небесное, покой и несказанную радость. Держи, не оставляй и молитвы Іисусовой. Если о всемъ семъ будешь воспоминать и размышлять, если все это исполнишь, тогда уныніе, лѣность и разслабленіе исчезнетъ и душа твоя, какъ бы отъ мертвыхъ оживится благодатію Христовою.

Слово 3. Умилительное поученіе, отсѣкающее всякое превозношеніе и гордость человѣческую и обращающее душу во источники слезъ.

Если такого умиленія ищешь, то весьма сладостно и душеполезно внимать слѣдующему поученію объ исходѣ своей души. Теперь ты, человѣкъ, услаждаешься красотою, пригладностью, славою и проводишь жизнь свою въ суетномъ украшеніи, надѣясь провести такъ часъ за часомъ, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ. О, человѣкъ! Вѣкъ твой проходитъ къ концу, жизнь минуетъ, время мало-по-малу протекаетъ, страшный престолъ Господень готовится, Судія праведный приближается! О, человѣкъ! Судъ при дверяхъ; ожидай страшнаго отвѣта! Рѣка огненная, волнуясь, шумитъ съ трескомъ и сильными искрами!... Страшныя муки свирѣпствуютъ, ожидая мученія грѣшниковъ! О, человѣкъ! Трудись, старайся, подвизайся;

предъ смертью вѣстникъ не приходитъ! Награда святымъ, предстоитъ, вѣнцы праведнымъ готовятся; трудящимся и терпящимъ скорби отверзается царствіе небесное, предстоитъ безконечный покой и приготовляется не сказанная радость. Око не видѣло, ухо не слышало и на сердце человѣку не всходило то, что уготовалъ Богъ любящимъ Его. О, человѣкъ! Слышалъ ли ты о мукахъ? Что не трепещешь и не ужасаешься?.. О человѣкъ! Слышалъ ли о безконечной радости? Что не подвизаешься, что въ молвѣ и суетѣ губишь время жизни? Послѣ другого времени не найдешь, хотя бы и со слезами поискалъ. О, человѣкъ! Если и сто или тысячу лѣтъ поживешь на этомъ свѣтѣ во всякой пищѣ и наслажденіи, упитываясь, какъ телецъ, и прихорашиваясь, какъ лиса; когда жэ придетъ страшная смертная кончина, за одинъ день покажется жизнь наша, и всякое пресыщеніе и украшеніе изчезнетъ безслѣдно, какъ цвѣтъ травы, скоро отпадающій. О, человѣкъ! Какъ бы одинъ день твоего рожденія и твоего возраста и старости, а послѣ сего скорый неожиданный конецъ твоей жизни. О, человѣкъ! Вспомни, гдѣ твои дѣды и прадѣды, гдѣ твой отецъ, и мать, и братія; гдѣ твои сродники и любимые друзя? Не всѣ ли отошли изъ этой жизни; не желали ли и они еще пожить на семъ свѣтѣ,— наслаждаться, украшаться и веселиться въ своемъ благополучіи? Но вотъ противъ желанія своего они похищены. Вспомни что ты—земля, отъ земли питаешься и въ землю опять пойдешь: плоть разрушится и истлѣетъ, червями съѣдаемая, а кости, какъ прахъ, разсыплются. Помни дни вѣчные и лѣта прошедшихъ родовъ. Сколько было царей и князей во всякомъ наслажденіи и украшеніи! Что помогло имъ, отходившимъ изъ этой жизни временной, гдѣ наслажденіе и украшеніе? Теперь же они земля и пепелъ! Сколько было на этомъ свѣтѣ сильныхъ, богатыхъ, храбрыхъ юношей, цвѣтущихъ молодостью и красотою; чѣмъ же помогла имъ и посодѣйствовала могучая сила, пріятная молодость, цвѣтущая красотою? Какъ будто

ничего не было! Тысячи тысячъ и тьмы темъ, или какъ песка морскаго было всякаго рода людей, и всѣ отошли изъ этой жизни. Нѣкоторые изъ нихъ не могли дать въ часъ смертный даже какого-либо отвѣта, но неожиданно, стоя или сидя, похищены смертью, одни ѣвши и пивши испустили духъ; другіе на пути скоропостижно умерли; иные, положившись на постели свои, думая малымъ, привременнымъ сномъ успокоить тѣло свое, и въ такомъ положеніи уснули вѣчнымъ сномъ; нѣкоторые бѣдственно испытывали въ послѣдній часъ великія истязанія, ужасныя грозныя устрашенія, одно представленіе которыхъ можетъ не мало устрашить насъ. И другія различныя и внезапныя бываютъ смерти! Охъ, охъ! Горе, горе! Какъ слезитъ душа при смерти, возводитъ очи къ ангеламъ, протягиваетъ руки къ людямъ, жалостно молится, но не получаетъ помощи; воистину суета человѣческая! Охъ, охъ! Горе, горе! Ужасно и страшно всѣмъ, когда душа насильственно отъ тѣла разлучается: душа съ плачемъ отходитъ, а тѣло землѣ предается; тогда надежда на суетное, прелесть, слава и наслажденіе земнымъ, ни во что обращается. Охъ, охъ! Горе, горе! Великій плачь и рыданіе, великое и воздыханіе и болѣзнь—разлученіе души. Охъ! Горе, горе! Кратокъ путь сей которымъ идемъ съ тѣломъ; дымъ, паръ, персть, пепелъ, прахъ, смрадъ жизнь эта; какъ дымъ на воздухѣ расходится, какъ травной цвѣтъ скоро отпадаетъ и увядаетъ, какъ конь скоро пробѣгаетъ, какъ вода быстро протекаетъ, и какъ туманъ поднимается съ поверхности земли, и какъ роса утренняя исчезаетъ, или какъ птица пролетаетъ,—такъ минуетъ жизнь вѣка сего; или какъ вѣтеръ проходитъ, такъ мимо ходитъ и проходитъ время и кончаются дни жизни нашей. Лучше болѣе терпѣть и любить лютыя и жестокія скорби на этомъ свѣтѣ, чѣмъ тысячу лѣтъ радости и покоя вѣка сего противъ одного будущаго дня. Ибо не продолжителенъ путь земной жизни; на малое время является и вскорѣ проходитъ. Воистину суета и тлѣніе все сладостное,

прекрасное и славное въ мірѣ семъ; ибо какъ тѣнь перемѣнчивая все проходитъ, и какъ во снѣ на этомъ свѣтѣ пребываетъ; сейчасъ кто-либо есть; немного потомъ уходитъ; сегодня съ нами, а по утру гробу предается. Охъ, охъ! Горе, горе! Воистину напрасно мятется всякій земнородный. Всѣ измѣнимся, всѣ умремъ: цари и князи, судіи и сильные, богатые и нищіе и всякое естество человѣческое: сегодня съ ними ликуетъ, веселится и красуется иной человѣкъ а по утру по немъ плачемъ, сѣтуемъ и рыдаемъ. О, человѣкъ! Приди-же ко гробу, посмотри тамъ лежащаго мертвеца: не славенъ, не виденъ, не красивъ; какъ онъ пухнетъ, и смрадъ испускаетъ; плоть гніетъ и истлѣваетъ и червями поядается, кости обнажаются и весь составъ разсыпается. Охъ, охъ! Горе, горе! душа грѣшная, ужасное видѣніе! Горе, горе! обогащенная душевнотѣлесными чувствами, премудро созданная, совсѣмъ нѣтъ въ тебѣ ни благолѣпія, ни вида, ни красоты! Куда скрылась твоя красота тѣлесная и юность прекрасная? Гдѣ улыбающееся лицо, гдѣ прекрасные и свѣтлые очи? Гдѣ Аристотельскій (ораторскій) краснорѣчивый языкъ? Гдѣ дыханіе, сладкій, тонкій и нѣжный голосъ? Гдѣ краснорѣчіе премудрости, величавое хожденіе, мечты и желанія, и суетное попеченіе? Все это пропало и червями съѣдено: вотъ изъ нихъ одни выходятъ изъ устъ и ноздрей, другіе изъ глазъ и ушей; иные изъ прохода, и все исполнилось безобразія и гнусности. Охъ, охъ! Горе, горе! Смотря на прахъ, лежащій во гробѣ, скажемъ въ себѣ: кто царь и вельможа, или нищій? Кто владыка или не свободный? Кто славный и не славный? Кто премудрый или не разумный? Гдѣ красота и наслажденіе міра сего: Гдѣ сила и мудрость вѣка сего? Гдѣ мечты и кратковременныя прелести? Гдѣ богатство тлѣнное и суетное? Гдѣ серебряныя и золотыя украшенія? Гдѣ множество предстоящихъ рабовъ. Гдѣ всѣ попеченія суетнаго сего вѣка? Но ничего этого уже нѣтъ; всего этого человѣкъ лишенъ. Охъ, охъ! Горе, горе! Воистину напрасно мятется

всякій земнородный!—Смотрю на тебя во гробѣ и ужасаюся твоего вида; смотрю на тебя и трепещу и отъ сердца слезы проливаю. Охъ, охъ! Смерть лютая и немилосердная! Кто можетъ избѣжать тебя? Ты пожинаешь родъ человѣческій, какъ незрѣлую пшеницу. Итакъ, братіе, разумѣвши краткость нашей жизни и суету сего вѣка, позаботимся о смертномъ часѣ, оставивъ молву сего міра и не полезныя житейскія попеченія; ибо не пребудетъ съ нами по смерти ни богатство, ни слава, ни наслажденіе, и ничто изъ сего не сойдетъ съ нами во гробъ, только добрыя дѣла пойдутъ и защитятъ насъ и останутся съ нами; нагими же мы родились, нагими опять отходимъ. Итакъ, слыша это, мы должны не только сидѣть съ безмолвіемъ въ келліи, удерживать языкъ свой, пещись о душахъ своихъ и плакать на молитвѣ о грѣхахъ своихъ, но и подъ землю должны скрыться, заживо тамъ рыдать о грѣхахъ своихъ и пожить, умирая Бога ради въ подвигѣ. Зная скорое отшествіе свое, будемъ прежде смерти изнурять тлѣнное свое тѣло, потому что и по смерти должно ему оставаться тлѣннымъ, пока воскреситъ насъ Господь Богъ отъ мертвыхъ въ послѣдній день и даруетъ намъ безсмертную жизнь и безконечное царство во вѣки. Аминь.

Слово 4. О благодати Божіей. ***Вопросъ*: Почему можетъ познавать кто-либо, достигъ-ли онъ совершенныя благодати, или нѣтъ?**

Отвѣтъ: Гдѣ благодать - источникъ жизни, тамъ добрыя дѣла отъ сердца истекаютъ; когда Духъ Святый посѣтитъ, тогда и всякій трудъ облегчается, и непрестанная молитва отъ сердца исходитъ, и очи постоянно испускаютъ слезы, и всякое духовное просвѣщеніе бываетъ при семъ и чистое трезвое разсужденіе, ибо Святый Духъ тогда дѣйствуетъ внутри человѣка. А кто предается страстямъ, у

того и страсти умножаются; и когда чрезъ нихъ лукавый духъ завладѣваетъ человѣкомъ, тогда бываетъ въ душѣ его всякая темнота, и мракъ, и тягость.

Вопросъ о томъ. кто святъ (т. е. имѣетъ указанныя свойства совершенной благодати)? Отвѣтъ:—тотъ, кто непорочно сохранилъ и соблюлъ заповѣди, кто побѣдилъ страсти и отказался отъ всякаго наслажденія. Кто же отъ наслажденія отказался? Тотъ, кто совершенно отвергнулъ самолюбіе во всѣхъ видахъ своего произволенія; кто себя возненавидѣлъ въ краткомъ семъ вѣкѣ ради царства небеснаго и безконечной жизни; кто стяжалъ непоколебимую вѣру, твердую и несомнѣнную надежду на Бога во всѣхъ своихъ скорбяхъ и нуждахъ; таковый поистинѣ святъ и безстрастенъ.

Слово 5. О чувствахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, о добродѣтеляхъ, и какая добродѣтель отъ какой рождается.

При созданіи человѣка любовь Божія къ человѣческому роду проявилась неизреченно и несчетно: ибо Богъ даровалъ человѣку душевныя и тѣлесныя чувства. Душевныя чувства или силы суть: умъ, смыслъ (разсудокъ), слово, мечтаніе (воображеніе), чувство (сердца). Тѣлесныя же чувства слѣдующія: зрѣніе, обоняніе, слухъ, вкусъ, осязаніе. Посредствомъ тѣхъ и другихъ мы и совершаемъ добродѣтели душевныя и тѣлесныя. Угодно было Христу Богу нашему, чтобы написаны были книги, чтобы по нимъ человѣкъ разсуждалъ и поучался страху Божію—началу духовной премудрости. Страхъ Божій рождаетъ вѣру; вѣра—надежду; надежда—любовь къ Богу и людямъ; любовь—терпѣніе и иныя многія добродѣтели; терпѣніе—послушаніе и всякую добродѣтель; послушаніе—упованіе; упованіе постъ; постъ—чистоту и безмолвіе; безмолвіе же рождаетъ воздержаніе, молитву, слезы, бдѣніе, плачъ, бодрость, трезвеніе и иное многое, и отсѣкаетъ всякое злоязычіе; плачъ рождаетъ нестяжаніе; нестяжаніе же рождаетъ правду и отсѣкаетъ всякій споръ; молитва рождаетъ разсужденіе, трезвеніе ума, слезы, радость, смиреніе сердечное, кротость; смиреніе рождаетъ смиренномудріе, уединеніе; смиренномудріе отсѣкаетъ гордость, тщеславіе и раститъ плодъ духовный. Отъ этихъ добродѣтелей уничтожаются всѣ душевныя и тѣлесныя страсти, и мало-по-малу умножается благодать. Эти добродѣтели необходимы для здравыхъ тѣломъ и одержимыхъ плотскими страстями.

Слово 6. О большихъ и начальныхъ добродѣтеляхъ. Если кто эти добродѣтели исполнитъ, тому и прочія всѣ подчинятся. О вѣрѣ.

Первая добродѣтель—вѣра, ибо вѣрою и горы преставляютъ и все, что хотятъ, получатъ, сказалъ Господь. Всякій во всѣхъ славныхъ и дивныхъ дѣлахъ вѣрою своею утверждается. Отъ произволенія нашего вѣра или уменьшается или увеличивается.

Слово 7. О любви.

Вторая добродѣтель—нелицемѣрная любовь къ Богу и людямъ. Любовь обнимаетъ и связываетъ во едино всѣ добродѣтели. Одною любовью весь законъ исполняется и жизнь богоугодная совершается. Любовь состоитъ въ томъ, чтобъ полагать душу свою за друга своего и, чего себѣ не хочешь, того другому не твори. Любви ради Сынъ Божій вочеловѣчился. Пребывающій въ любви, въ Богѣ пребываетъ; гдѣ любовь, тамъ и Богъ.

Слово 8. О постѣ.

Третья добродѣтель—постъ. Постомъ называю вкушеніе однажды днемъ мало,—еще будучи алчнымъ вставать отъ трапезы; пищею имѣть хлѣбъ и соль, питіемъ же—воду, которую сами собою доставляютъ источники. Вотъ царскій путь принятія пищи, то-есть многіе спаслись этимъ путемъ,—такъ сказали святые отцы. Воздерживаться отъ пищи день, два, три, четыре, пять и седмицу — не всегда можетъ человѣкъ, а чтобы на каждый день вкушать хлѣбъ и пить воду,—такъ всегда можетъ. Только покушавши, должно быть алчнымъ немного, чтобы тѣло было и покорно духу, и къ трудамъ способно, и къ умнымъ движеніямъ чувствительно, и тѣлесныя страсти побѣдятся; постъ не можетъ умертвить такъ страстей тѣлесныхъ, какъ умерщвляетъ скудная пища. Нѣкоторые же временемъ постятся, а потомъ предаются сладкимъ кушаньямъ; ибо многіе начинаютъ постъ свыше своей силы и другіе суровые подвиги, а потомъ ослабѣваютъ отъ неумѣренности и неровности, и ищутъ сладкихъ кушаній и покоя для укрѣпленія тѣла такъ поступать тоже значитъ, что созидать, а потомъ опять разорять; такъ какъ тѣло чрезъ скудость отъ поста понуждается къ сласти и ищетъ утѣшенія; и сласти возжигаютъ страсти. Если же кто установитъ себѣ опредѣленную мѣру, сколько въ день принимать скудной пищи, тотъ получаетъ великую пользу. Однакоже, относительно количества пищи, должно столько установить, сколько нужно для укрѣпленія силъ; таковой можетъ совершить всякое духовное дѣло. Если же кто больше того постится, то въ другое время предается покою. Умѣренному подвигу нѣтъ цѣны. Ибо нѣкоторые и великіе отцы мѣрою принимали пищу и во всемъ имѣли мѣру—въ подвигахъ, въ потребностяхъ тѣлесныхъ и въ келейныхъ принадлежностяхъ, и все въ свое время и каждую вещь употребляли по опредѣленному умѣренному уставу. Поэтому святые отцы не повелѣваютъ начинать поститься выше силъ и себя приводить въ ослабленіе. Возьми себѣ за правило кушать на всякъ день, такъ можно тверже воздержаться; если же кто болѣе постится, тотъ какъ удержится потомъ отъ пресыщенія и объяденія? Никакъ. Такое неумѣренное начинаніе происходитъ или отъ тщеславія, или отъ безразсудности; тогда какъ воздержаніе - одна изъ добродѣтелей, способствующая къ обузданію плоти; алчба и жажда даны человѣку на очищеніе тѣла, сохраненію отъ скверныхъ помышленій и блудной похоти; на каждый же день вкушать со скудностью, бываетъ средствомъ къ совершенству, какъ говорятъ нѣкоторые; и нисколько не унизится нравственно и не потерпитъ вреда душевнаго, кто вкушаетъ на каждый день въ опредѣленный часъ; таковыхъ похваляетъ святый Ѳеодоръ Студійскій въ поученіи на пятокъ первой седмицы великаго поста, гдѣ онъ приводитъ въ подтвержденіе слова святыхъ богоносныхъ отцовъ и Самого Господа. Такъ и должно поступать намъ. Господь претерпѣлъ продолжительный постъ; равно Моисей и Илія, но однажды. И другіе нѣкоторые, иногда, прося что нибудь у Творца, налагали на себя нѣкоторое время постъ, но сообразно съ законами естественными и ученіемъ божественнаго Писанія. Изъ дѣятельности святыхъ, изъ жизни Спасителя нашего и изъ правилъ жизни благочинно живущихъ видно, что прекрасно и полезно всегда быть готовымъ и находиться въ подвигѣ, трудѣ и терпѣніи; однако не ослаблять себя чрезмѣрнымъ постомъ и не приводить въ бездѣятельность тѣла. Если плоть распаляется по молодости, то много должно воздерживаться; если же она немощна, то нужно довольно въ сытость принимать пищу, не взирая на другихъ подвижниковъ,—много или мало кто постится; смотри и разсуждай по своей немощи, сколько можешь вмѣстить: каждому мѣра и внутренній учитель—своя совѣсть. Нельзя всѣмъ имѣть одно правило и одинъ подвигъ; потому что одни сильны, другіе немощны; одни какъ желѣзо, другіе какъ мѣдь, иные

какъ воскъ. Итакъ, хорошо узнавши свою мѣру, принимай пищу однажды на каждый день, кромѣ субботъ, недѣль и владычныхъ праздниковъ. Умѣренный и разумный постъ— основаніе и глава всѣмъ добродѣтелямъ. Какъ со львомъ и лютымъ зміемъ бороться, такъ должно со врагомъ въ тѣлесной немощи и духовной нищетѣ. Если кто хочетъ имѣть умъ твердымъ отъ скверныхъ помысловъ, да утончаетъ плоть постомъ. Не возможо безъ поста и священствовать; какъ дышать необходимо, такъ и поститься. Постъ, войдя въ душу, убиваетъ во глубинѣ ея лежащій грѣхъ.

Слово 9. О воздержаніи.

Четвертая добродѣтель воздержаніе—матерь и союзъ всѣхъ добродѣтелей. Если удержишь чрево, войдешь въ рай, ибо воздержаніе есть убійство грѣха, удаленіе отъ страстей, начало духовной жизни и ходатай вѣчныхъ благъ. Напротивъ, пресыщеніе лишаетъ человѣка духовнаго дарованія, потому что сытость чрева ко сну клонитъ его и возбуждаетъ въ немъ скверные помыслы, и онъ не можетъ совершать бдѣніе, ни чтеніемъ, ни рукодѣліемъ заниматься и никакого другого добраго дѣла исполнять. Легко, прекрасно, трезво и жажду утоляющее для питанія хлѣбъ и вода теплая. Безъ теплой воды у постника ссыхается желудокъ и затруднительно бываетъ испражненіе; а хлѣбъ или сухари, распаренные въ кипяченой водѣ, или толокно житное, или кисель, скоро перевариваются; послѣднее особенно подходящая пища во время праздника или вечери. Четыре чина вкушенія пищи: постъ, воздержаніе, доволь и сытость. Если кто удержитъ чрево, не лишится райскаго пребыванія; кто же не удержитъ, тотъ—добыча смерти, всѣхъ добродѣтелей лишается и бываетъ поруганъ.

Слово 10. О бдѣніи.

Пятая добродѣтель—бдѣніе. Съ разсужденіемъ въ мѣру новоначальнымъ инокамъ должно половину ночи бодрствовать и половину ночи до утра спать, то есть шесть часовъ бодрствовать и шесть или пять часовъ спать. Среднихъ мѣра—четыре или три часа спать и восемь бодрствовать. Совершенныхъ же—одинъ часъ спать, а остальные—всенощное стояніе и внимательное бодрствованіе. Среди дня всѣ должны одинъ часъ спать. Бдѣніе съ разсужденіемъ очищаетъ умъ отъ разсѣянія помысловъ, дѣлаетъ его легкимъ и вводитъ въ молитву. Какъ чувственные глаза просвѣщаютъ тѣло и всѣ члены его освѣщаютъ, такъ неусыпное вниманіе и бодрствованіе просвѣщаетъ душу духовнымъ зрѣніемъ, ибо напоминаетъ человѣку о неизреченныхъ благахъ, которыя уготовалъ Господь любящимъ Его, показываетъ муки вѣчныя, уготованныя грѣшникамъ; и человѣкъ бодрствующій удивляется Творцу всегда, какъ перемѣняются день и ночь какъ свѣтитъ солнце, луна и звѣзды; какъ смѣняется морозъ, снѣгъ, зной, громъ, дождь, напоминаетъ человѣку о преходящей жизни вѣка сего, о кончинѣ смертной и извлекаетъ у него обильныя слезы и, какъ сторожъ на высокомъ мѣстѣ, освѣщаетъ ясно духовному оку состояніе человѣка, какъ онъ живетъ,—правымъ или неправымъ путемъ. Мѣрное бдѣніе веселитъ сердце.

Слово 11. О молитвѣ Іисусовой.

Шестая добродѣтель—молитва Іисусова. Это—общее дѣло у человѣковъ съ ангелами; этою молитвою люди скоро приближаются къ ангельскому житію. Молитва—источникъ всякому доброму дѣлу и добродѣтелямъ и отгоняетъ отъ человѣка тьму страстей. Пріобрѣти ее, и будетъ душа твоя прежде смерти равноангельною. Молитва есть божественное веселіе. Это единственный драгоцѣнный мечъ; нѣтъ

иного такого оружія, которое бы болѣе ея посѣкало бѣсовъ; она опаляетъ ихъ, какъ огонь попаляетъ терніе. Эта молитва, какъ огонь разжигаетъ всего человѣка и приноситъ ему невыразимую радость и веселіе, такъ что онъ отъ радости и сладости забываетъ объ этой жизни и все въ вѣкѣ семъ считаетъ за соръ и пепелъ.

Слово 12. О смиреніи и смиренномудріи.

Седьмая добродѣтель — смиреніе и смиренномудріе. Смиреніе сердечное безъ труда спасаетъ человѣка стараго, больного, убогаго, нищаго и необразованнаго; ради него прощаются всѣ согрѣшенія; оно отъ самой бездны грѣховной возводитъ человѣка. Чрезъ смиренномудріе всѣ вражескія сѣти и замыслы разрушаются, и оно укореняетъ жизнь духовную и соблюдаетъ отъ паденія.

Слово 13. О безмолвіи и молчаніи.

Восьмая добродѣтель — безмолвіе, т. е. удаленіе отъ всякаго житейскаго попеченія и смущенія, или безотвѣтное молчаніе среди многолюдства. Обуздавшій и сдерживающій свой языкъ, и все тѣло свое воздержитъ. Воздержный на языкъ избѣжитъ и всякаго зла, происходящаго отъ него. Языкъ — неудержимое зло; многіе пали отъ острія меча, но не такъ, какъ отъ языка своего, ибо языкъ обоюдоострый мечъ, невидимо закалающій душу и тѣло, пустословящихъ всегда въ праздныхъ сборищахъ. О, языкъ, — врагъ праведности моей! О, языкъ, — пагубникъ мой и духъ сатанинскій! Ибо многимъ трудомъ созидаетъ человѣкъ духовное зданіе (спасеніе), а ты, языкъ, однимъ словомъ, въ одинъ часъ разрушаешь его и уничтожаешь. Мудрый мужъ безмолвіе водитъ.

Слово 14. О нестяжательности.

Девятая добродѣтель — нестяжательность вещей и крайняя нищета. Нестяжательный монахъ, какъ орелъ высокопарный пребываетъ не уловимъ никакою тщеславною сѣтью вѣка сего и не уязвимъ. Бѣжимъ, бѣжимъ отъ сребролюбія и прочихъ вещей, какъ отъ льва рыкающаго, ибо оно прелагаетъ кротость и смиреніе человѣка въ немилостивый гнѣвъ и злопамятство и дѣлаетъ лютымъ звѣремъ.

Слово 15. О разсужденіи.

Десятая добродѣтель — разсужденіе благоразсмотрительное во всякомъ дѣлѣ; потому что безразсужденіе, и добро приводитъ ко злу и посему бываетъ не добромъ.

Безъ этихъ выше указанныхъ десяти добродѣтелей невозможно спастись. Отцы святые разъясняли о нихъ въ различныхъ обширныхъ бесѣдахъ; здѣсь же о нихъ сказано кратко. Три изъ сихъ добродѣтелей: во-первыхъ, постъ, т. е. воздержаніе разсудительное и неизмѣнное; во-вторыхъ, непрестанное упражненіе въ поученіи божественныхъ Писаній съ бдѣніемъ разсудительнымъ, т. е. по совѣсти, силѣ и бодрости каждаго; и въ третьихъ, молитва Іисусова разумная, т. е. со вниманіемъ ума къ словамъ молитвы и внутреннимъ храненіемъ сердца, — эти добродѣтели, суть самыя основательныя, должны исполняться разумно — предъ лицемъ и ради Бога безъ всякаго лицемѣрія, человѣкоугодія и тщеславія; иначе исполняющій ихъ ничѣмъ не отличается отъ неисполняющаго. Лучше оставить ту добродѣтель, чрезъ которую мы произвольно высокоумствуемъ; — награда подается не столько за труды, сколько ради смиренія. Лучше быть согрѣшающимъ и кающимся, чѣмъ исправляющимся и возносящимся. Господь Богъ да вразумитъ и утвердитъ насъ совершать волю Его и священныя заповѣди и добродѣтели, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 16. О страстяхъ и пагубныхъ порокахъ и о томъ, какія отъ какихъ рождаются.

Прежде всякаго грѣхопаденія, бѣсы наводятъ на человѣка слѣдующія страсти: мрачное забвеніе, гнѣвъ жестокій, т. е. безчеловѣчную и звѣрскую злобу и невѣдѣніе, какъ тьму безпросвѣтную. Эти три страсти предшествуютъ всякому грѣху. Ибо не совершитъ человѣкъ ни одного грѣха прежде, чѣмъ онъ предварительно не расположится ко всякому злу или забвеніемъ или гнѣвомъ или невѣдѣніемъ. Отъ нихъ происходитъ душевное нечувствіе, т. е. умъ — душевное око, бываетъ теменъ и плѣняется тогда всѣми страстями. Прежде всего рождается маловѣріе. Маловѣріе же порождаетъ самолюбіе — начало и конецъ, корень и родоначальникъ всякаго зла, оно есть безсмысленная любовь къ своему тѣлу, когда вездѣ и во всѣхъ вещахъ избираетъ кто-либо себѣ одному только полезное. Искореняется же этотъ злой корень страстей любовію и милосердіемъ и отреченіемъ отъ своеволія. Самолюбіе порождаетъ немилосердіе и сребролюбіе — несытую утробу, такъ же корень и причину всякому злу. Отъ сихъ двухъ — самолюбія и сребролюбія, происходитъ во всякомъ мѣстѣ всякое несчастіе и жестокія злодѣянія. Какъ въ мірянахъ, такъ и въ монахѣ сребролюбіе порождаетъ гордость, чрезъ которую бѣсы отпали отъ святой славы и свержены съ неба. Гордость порождаетъ славолюбіе, которымъ прельстился Адамъ, захотѣвъ быть Богомъ и не былъ, и тѣмъ навелъ страданіе и клятву на весь родъ человѣческій. Славолюбіе порождаетъ сластолюбіе, чрезъ которое Адамъ палъ и былъ изгнанъ изъ рая.

Сластолюбіе порождаетъ чревообъяденіе и различныя блудныя дѣла. Блудъ порождаетъ гнѣвъ, погашающій сердечную теплоту и пагубный для всякой добродѣтели. Гнѣвъ порождаетъ памятозлобіе — охлажденіе духовной теплоты. Памятозлобіе порождаетъ мрачную и злобную хулу на своего брата. Хула порождаетъ безвременную печаль, какъ ржавчина съѣдающая человѣка. Печаль порождаетъ безумную наглость. Наглость порождаетъ тщеславіе, выставляющее на показъ добродѣтели и чрезъ это оставляющее труды безъ награды. Тщеславіе порождаетъ невоздержное многорѣчіе. Многорѣчіе порождаетъ празднословіе, плѣненіе. Уныніе порождаетъ мрачный сонъ. Если кто эти страсти побѣдитъ, тому и прочія покорятся, — каковы: страхованіе, ужасъ, зависть, ненависть, лицемѣріе, лесть, ропотъ, невѣріе, лихоимство, пристрастіе, вещелюбіе, малодушіе, острожелчіе, самомнѣніе, любоначаліе, человѣкоугодіе, дерзость, смѣхъ, совершенное паденіе, невыразимый ровъ и погибель чрезъ отчаяніе, въ какомъ состояніи человѣкъ самъ себя закалаетъ, невѣдая того человѣколюбія Божія и милости, что пришелъ Онъ грѣшниковъ спасти, и что нѣтъ на землѣ такого грѣха, которому не было бы прощенія. Изъ семи слѣдующихъ страстей — самолюбіе, сребролюбіе, гордость съ тщеславіемъ, злопамятности, осужденія, самомнѣнія, отчаяніе — конецъ всѣмъ страстямъ. Отъ сихъ страстей если кто не хранитъ себя и не отвержетъ ихъ, тотъ погубитъ выше указанныя слѣдующія десять добродѣтелей: вѣру, любовь, постъ, воздержаніе, бдѣніе, молитву, смиреніе со смиренномудріемъ, безмолвіе съ молчаливостью, нестяжательность и разсужденіе, и вмѣстѣ повредитъ всѣ остальныя добродѣтели. Если кто имѣетъ хоть одну изъ сихъ главныхъ страстей таковый нисколько, не преуспѣетъ, хотя бы и подвизался противъ прочихъ страстей, совершалъ какую-либо добродѣтель и хотябы даже кровь свою пролилъ за Христа; и молитва таковаго непріятна Богу. Господь Богъ да избавитъ насъ Своею благодатію отъ всякой напасти и страстей во вѣки. Аминь.

Слово 17. О тѣлесныхъ страстяхъ. Отчего онѣ происходятъ и чѣмъ побѣждаются.

Тѣлесная похоть у человѣка происходитъ: или отъ теплаго растворенія, или многоядения и безмѣрнаго сна, или отъ дѣйствія сатаны, или отъ осужденія другихъ и тщеславія своего, тѣлесной красоты, или отъ праздныхъ бесѣдъ, щегольства и не храненія очей. Если приходятъ блудные помыслы и мечтаніе ночное сонное или дневное, или плотское разженіе, то ничѣмъ нельзя отъ сего избавиться, какъ только постомъ, воздержаніемъ и молитвою со слезами, во всенощномъ бдѣніи. Когда кто познаетъ душевную и тѣлесную силу изнеможенія, то вскорѣ получитъ покой отъ страстей.

Слово 18. О томъ, чтобы со вниманіемъ пребывать всегда.

На каждый вечеръ мы должны испытывать себя, какъ прошелъ у насъ день, и на всякое утро опять должны испытывать, какъ прошла ночь. И не только въ опредѣленное, но и во всякое время, на каждомъ мѣстѣ и о всякой вещи мы должны давать себѣ отчетъ и разсуждать о добродѣтеляхъ и страстяхъ, въ какомъ состояніи жизни мы находимся,—въ началѣ, въ срединѣ, или въ концѣ; достойно-ли награды мы трудимся и совершаемъ добродѣтели, или только трудимся, а награды не получаемъ. Когда въ чемъ погрѣшимъ, то восполнимъ недостатокъ добродѣтели слезами и плачемъ. Мы потому не приходимъ въ совершенство и бѣдны благодатью, что не знаемъ, въ чемъ начало, средина и совершенство добродѣтелямъ, отъ чего оскудѣніе добродѣтели, что ко всякой добродѣтели примѣшивается порокъ тщеславія, который противодѣйствуетъ ей. Безъ знанія сего мы напрасно трудимся. Добродѣтели хотя и называются душевными, но во всѣхъ нихъ страдаетъ и утверждается и

тѣло. Страсти-же иначе: однѣ называются душевными, и потому такъ, что ихъ любитъ или услаждается одна душа, помимо тѣла; другія же – тѣлесными, потому что въ нихъ нѣжится и тучнѣетъ только тѣло, т. е. въ тѣхъ и другихъ душа и тѣло ни въ чемъ не сочувствуютъ другъ другу.

Слово 19. Сокращенная рѣчь о всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ страстяхъ.

Прежде нужно очистить царскій домъ отъ всякой нечистоты и украсить всякою красотою, и тогда уже можно войти въ него царю. Подобнымъ образомъ должно прежде очистить землю сердца и искоренить терніе грѣха—страстныя дѣла и умягчить ее скорбями и тѣснотами, посѣять на ней сѣмя добродѣтелей, оросить плачемъ и слезами; и тогда уже произрастетъ плодъ безстрастія и жизнь вѣчная. Ибо не вселится Духъ Святый, пока человѣкъ не очистится отъ страстей душевныхъ и тѣлесныхъ. Одному можно пребывать внутри человѣка: или Духу Святому, или страстямъ; гдѣ Духъ Святый, туда страсти не приближаются, а гдѣ страсти, тамъ не пребываетъ Духъ Святый, а лукавый. Прежде всего должно отгнать отъ себя самолюбіе во всѣхъ видахъ пожеланія предметовъ сего міра и уничтожить себя во всѣхъ видахъ покаянія,—въ помыслѣ, въ дѣлѣ, въ словѣ, въ пищѣ, одеждѣ, въ домашней обстановкѣ и внутреннихъ вещахъ во всемъ должно смирять себя и осуждать; во всемъ избирать себѣ худшее, и такимъ образомъ умолкнутъ страсти душевныя. Смиреніе никогда не падаетъ, ибо ниже всѣхъ лежитъ. Такъ же необходимо усмирить плоть свою, удручая ее подвигами добродѣтелей и скорбями безъ упокоенія, —и умолкнутъ страсти тѣлесныя. Должно удерживать и языкъ свой, какъ источникъ всякаго зла и разорителя добра, такимъ образомъ перестанутъ дѣйствовать всѣ страсти ду-

шевныя и тѣлесныя и усмирены будутъ; человѣкъ будетъ безстрастенъ и начнетъ пріобрѣтать жизнь вѣчную; врагъ же будетъ побѣжденъ, ибо окажется безсильнымъ и всѣ оружія и козни его изнемогутъ.

Слово 20. О безстрастіи.

Безстрастіе состоитъ не въ томъ только, чтобы избѣгать грѣховныхъ пристрастныхъ дѣлъ, но въ томъ, чтобы не имѣть и пожеланія ихъ. Безстрастенъ тотъ, кто побѣдилъ пристрастіе во всѣхъ прилогахъ, понуждающихъ или прельщающихъ, и, ставъ выше всѣхъ страстей, не возмущается ни за какую вещь міра сего, ни боится скорбей, бѣдъ и напастей, ни страшится даже самой смерти, считая это залогомъ жизни вѣчной. Безстрастенъ тотъ, кто, страдая отъ бѣсовъ и отъ лукавыхъ людей, не обращаетъ на то вниманія и не считаетъ это за зло; какъ будто иной кто страдаетъ; прославляемый онъ не превозносится и оскорбляемый—не гнѣвается; но какъ дитя, наказываемое плачетъ и утѣшаемое радуется. Безстрастіе не есть одна какая-либо добродѣтель, но собирательное наименованіе всѣхъ ихъ. Оживляется тогда человѣкъ отъ Духа Святаго; потому что безъ Него не крѣпко все духовное тѣло—составъ добродѣтелей. До вселенія въ человѣка Духа Святаго, по очищеніи отъ страстей, не можетъ онъ называться безстрастнымъ, ибо до сего онъ страдаетъ на всякомъ мѣстѣ. Когда же Духъ Святый сойдетъ на человѣка, тогда Онъ облегчитъ ему всѣ тяготы и скорби, и онъ безъ труда пребываетъ во всемъ. Богу нашему слава во вѣки. Аминь.

Слово 21. О чистотѣ сердечной и душевной.

По многотрудной жизни, чрезъ духовные подвиги свои, мы входимъ въ сердечную, умную и душевную чистоту; ибо отъ скорбей, притрудныхъ духовныхъ и тѣлесныхъ добродѣтелей: алчбы, жажды, бдѣнія и прочихъ очищается сердце... Отъ скверныхъ страстныхъ вожделѣній рождаются тѣлесныя страсти, т. е. блудъ. Отъ чистоты же сердечной и поста съ молитвою, очищается умъ отъ скверныхъ помысловъ и мечтаній. Чрезъ чистоту ума освобождается душа отъ своихъ страстей и просвѣщается: отъ душевной же чистоты происходитъ умное видѣніе. Безъ сердечной, умной и душевной чистоты, то-есть безстрастія, бѣсы дерзаютъ входить въ насъ, возмущаютъ насъ и показываютъ вмѣсто истины прелесть. Ибо чистымъ только сердцемъ, душею и умомъ созерцается Умное Солнце. Должно особенно прилежать посту и непрестанной молитвѣ, чтобы она сходила во глубину сердца и очищала его отъ страстей душевныхъ и тѣлесныхъ и, услаждая, умягчая, увеселяя и отгоняя скверные помыслы и мечты ума, просвѣщала душу. Когда такимъ образомъ, очистится у человѣка сердце, умъ, душа и тѣло, тогда вселится въ него благодать; входъ же бѣса и страстямъ затворяется, и начинаетъ онъ ощущать духовную сладость. Пока не ослабнутъ у человѣка естественныя движенія въ тѣлѣ, чтобы не возбуждали они въ сердцѣ грѣховныя сласти, и всѣ чувства тѣлесныя не очистятся при жизни; пока умъ не освободится отъ мрачныхъ скверныхъ мечтаній и душа не избавится отъ пристрастій, до тѣхъ поръ сладость благодатная не возбудится въ человѣкѣ томъ, и онъ не увидитъ Божественное въ душѣ своей. Начало чистоты несогласіе на грѣхъ помысла, а конецъ—умерщвленіе – мертвость ко грѣху тѣла. Нечистота сердца—блудная сласть и сердечное грѣховное разгоряченіе; нечистота же тѣла—паденіе на дѣло во грѣхъ. Нечистота ума—скверные помыслы; нечистота же души – различныя ду-

шевныя страсти, когда душа что-либо чрезмѣрно любитъ и услаждается тѣмъ. Если кто тѣломъ трудится и совершаетъ нѣкоторыя добродѣтели, но нерадитъ о сердечномъ настроеніи, не занимается усердно умнымъ дѣланіемъ—вниманіемъ и не заботится о душевной трезвости, то онъ подобенъ тому, кто одною рукою собираетъ, а другою расточаетъ; ибо тѣлесныя труды—начало только духовнаго пути; внутреннее же сердечное трезвеніе, умное дѣланіе и душевное настроеніе—конецъ его. Тѣлесные труды безъ внутренняго настроенія и вниманія, подобно сухому листвію. Потому мы и не приходимъ въ совершенство и не получаемъ благодати, что не знаемъ:—съ чего положить начало духовной жизни, что составляетъ середину и конецъ ея, и въ чемъ состоитъ существо и основаніе добродѣтелямъ, — пока не узнаемъ сего, до тѣхъ поръ въ одно и тоже время трудимся и разоряемъ. О, человѣкъ! пойми же то, съ чего начинается духовная подвижническая жизнь, откуда рождаются добродѣтели, и чрезъ что легко входятъ въ насъ страсти, и тогда скоро получишь душѣ своей просвѣщеніе; безъ этого же начала, ты какъ-бы въ морѣ сѣмя сѣешь, и оно бываетъ погубляемо.

Слово 22. О помраченіи ума т. е. неразсудительности.

Помраченіе ума происходитъ отъ страстей: отъ многословія, отъ суетливости, отъ безмѣрной заботы, отъ скорби, отъ мечтанія, отъ объяденія, отъ многоспанія; часто и отъ бѣсовъ оно бываетъ, то есть отъ смущеній ихъ, когда они приближаются къ намъ. Отъ входа въ насъ сихъ страстей, душевное око наше закрывается, то есть притупляется зрѣніе ума; и онъ уже ничего духовнаго не видитъ и не имѣетъ разсужденія, подобно тому, какъ кто-либо, и здоровымъ тѣлеснымъ глазомъ, не видитъ въ темнотѣ ночной, иногда спотыкается, а иногда и падаетъ въ яму;

такъ и человѣкъ, имѣя потемненный умъ, впадаетъ въ яму различныхъ страстей: унываетъ, мечтаетъ, предается многому сну и совершенно забывается, что идетъ путемъ вѣчной погибели.

Слово 23. О трезвости ума, т. е. внимательности.

Трезвость ума—свѣтлость мысли происходитъ отъ безстрастія т. е. отъ чистоты, поста, воздержанія, неразвлекаемаго безмолвія, неисходнаго пребыванія въ келліи, молитвы Іисусовой, безпечалія, умѣреннаго сна и отъ дѣйствія Святаго Духа, когда подается намъ благодать отъ Благодателя. Сими добродѣтелями умъ очищается отъ помраченія, грубости, мечтанія и просвѣщается, и тогда человѣкъ становится понятливымъ, разсудительнымъ и веселымъ. Круженія мыслей никто не можетъ остановить ничѣмъ, развѣ только непрестанною молитвою Іисусовою, памятью смерти и будущаго мученія, памятью и желаніемъ будущихъ благъ, внимательнымъ пѣніемъ или чтеніемъ на единѣ. Больше же всего очищаетъ умъ отъ помраченія, грубости и мечтанія молитва, постъ и неисходное въ келліи безмолвіе. Молитва и постъ отгоняетъ всякія грѣховныя помышленія, останавливаетъ разгоряченіе мозга сохраняетъ умъ отъ мятежа, собираетъ его отъ разсѣянности и просвѣщаетъ. Молитва и постъ изгоняетъ изъ человѣка духовъ нечистыхъ и исцѣляетъ бѣснующихся, — какъ сказалъ Господь: *сей родъ* (бѣсовскій) *не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (Матѳ. 17; 21). Молитвою и постомъ очищается и умъ, въ которомъ отъ бѣсовъ часто бываетъ помраченіе. Молитва и постъ есть оружіе, заграждающее всякій входъ въ насъ бѣсовъ. Молитва, какъ благодатный духъ, очищаетъ нашъ духъ, просвѣщаетъ умъ и подаетъ усердіе. Молитва съ трезвеніемъ сердца — охрана ума, угашаетъ забвеніе его, какъ вода огонь. Посему честнымъ именемъ

должно называть добродѣтель сію зарождающіеся отъ нея свѣтлыя созерцанія. Возлюбивши ее, грѣшники непотребные и мерзкіе, будете святыми и достойными, не разумные и не разсудительные - разумными и разсудительными, неправедные — праведными; мало того, но и созерцателями, богословами и свидѣтелями будете божественныхъ таинъ, чрезъ призываніе имени Господа Іисуса Христа, Сына Божія. Многіе св. отцы сказали, что молитва Іисусова есть источникъ всякому благу, сокровище добродѣтелей; она скоро сподобляетъ благодати Св. Духа, спасаетъ, неизвѣстное разъясняетъ и научаетъ. Какъ въ зеркалѣ видитъ человѣкъ свое лицо, такъ въ трезвенной и доброй молитвѣ видитъ умомъ всю жизнь свою, хорошо или худо живетъ. Сія молитва трезвенная отгоняетъ отъ человѣка тьму страстей, освобождаетъ отъ всѣхъ бѣсовскихъ сѣтей, помышленій, словъ и дѣлъ, побѣждаетъ всякое естественное желаніе, чувства и скорби, отъ всякаго искушенія помогаетъ и очищаетъ и, какъ пламенный мечъ, посѣкаетъ оныя ибо Богъ есть призываемый именемъ симъ, которому все подчиняется. Ничто не можетъ такъ побѣдить злобныя хитрыя коварства бѣсовъ, кромѣ молитвы Іисусовой трезвенной, чистой и внимательной, совершаемой съ чистымъ умомъ и смиренномудріемъ; невозможно, и не можетъ человѣкъ подвижникъ помимо сего возстать противъ бѣсовъ и сопротивляться имъ. Однако, безъ наставника въ сей молитвѣ онъ, пострадавши, погибаетъ; услышавъ, или узнавъ изъ словъ св. отцевъ, что она велика, а не понимая существа ея, совершаетъ, и неразумно думаетъ о ней, что достигъ совершенства, и начинаетъ умомъ мечтать, внутри имѣть ратниковъ, не очистивъ его напередъ трезвеніемъ, вниманіемъ, бодрствованіемъ, и такимъ образомъ низлагается отъ бѣсовъ. Начало сему доброму и прекрасному дѣланію состоитъ въ слѣдующемъ: первое должно ослаблять страсти, не творить того, что Богу не угодно, и не дѣлать того брату, что самъ ненавидишь; затѣмъ хранить

сердце свое отъ похотной сласти и сквернаго разженія, твердо соблюдать умъ отъ помысловъ, чтобы всегда содержалъ онъ сердце въ смиренномудріи. Отъ сего уже рождается молитва, которая побѣждаетъ и уничтожаетъ множество страстей и лукавыхъ духовъ и благодать умножается. Какъ постъ и молитва Іисусова, служитъ очищеніемъ и крѣпостью трезвенію и вниманію, такъ трезвеніе составляетъ достоинство, святость и опору молитвы. Трезвеніе называется иначе чистотою ума, нечистота же ума —скверные помыслы, а нечистота сердца — разженіе и похотная сласть. Не можетъ сердце устоять въ чистотѣ, чтобы не оскверниться, если не будетъ сокрушено постомъ; невозможно и хранить святость безъ поста, не подчинится и плоть духу для духовной дѣятельности, и самая даже молитва не возвышается и не дѣйствуетъ, потому что естественная потребность превозмогаетъ и плоть понуждается разжигаться; отъ разженія же плоти возстаютъ мысли и оскверняется умъ; отъ мыслей же сердце возбуждается и оскверняется, а чрезъ это благодать удаляется и нечистые духи имѣютъ дерзость властвовать надъ нами, сколько хотятъ, понуждаютъ плоть на страсти и направляютъ умъ, куда хотятъ, или, какъ-бы веревкою связавши, держатъ его не способнымъ къ духовнымъ желаніямъ и дѣйствіямъ. Безъ этого демоны не могутъ насъ побѣдить; ибо лукавые прежде стараются чѣмъ то ни было привести нашъ умъ въ помраченіе и забвеніе и потомъ уже ввергнуть насъ въ грѣховную пропасть. Но мы будемъ всегда держаться поста, какъ тихаго пристанища отъ мысленной вражеской сѣти; ибо постъ очищаетъ тѣло; питаетъ и укрѣпляетъ молитву, дѣлаетъ ее сильною и какъ пламень огня она изъ устъ восходитъ. Соединяемая съ постомъ трезвенная молитва опаляетъ бѣсовъ, такъ что они, какъ-бы къ горячей пещи, не могутъ приблизиться и сдѣлать пакость цѣломудренной душѣ.

Слово 24. О молитвѣ Іисусовой, которая скоро вселяетъ благодать и удобно спасаетъ душу.

„Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“. Если кто съ желаніемъ и непрестанно, какъ дыханіе изъ ноздрей, творитъ молитву сію, вскорѣ вселится въ него Св. Троица —Отецъ, Сынъ и Св. Духъ и обитель въ немъ сотворитъ, и пожретъ молитва сердце и сердце - молитву, и станетъ человѣкъ день и ночь творить сію молитву и освободится отъ всѣхъ сѣтей вражіихъ. Говорить же молитву Іисусову должно такъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ Стоишь-ли, сидишь-ли, ѣшь-ли, путешествуешь-ли, другое-ли что дѣлаешь — постоянно говори сію молитву, усердно понуждая себя къ ней, ибо она поражаетъ невидимыхъ враговъ, какъ воинъ крѣпкимъ копьемъ. Напечатлѣвай ее и въ мысли своей; не смущайся тайно творить ее и въ нужныхъ мѣстахъ. И когда изнеможетъ языкъ и уста, тогда однимъ умомъ молись. Отъ молитвы, произносимой долговременно языкомъ, проистекаетъ умовая, а отъ умовой — сердечная. Когда же изнеможетъ умъ отъ непрестаннаго напряженія и сердце возболѣзнуетъ, тогда можно немного попускать ихъ въ пѣніе. Произносить же молитву Іисусову въ слухъ, негромко, настолько, чтобы самому себѣ слышать. Не должно во время молитвы уклоняться мыслью туда и сюда къ житейскимъ тлѣннымъ вещамъ, но пребывать нелѣностно въ памяти сей только молитвы; ибо молитва есть ничто иное, какъ отчужденіе отъ видимаго и невидимаго міра. Посему должно затворять умъ свой въ молитвѣ. Гдѣ стоитъ тѣло, тамъ и умъ да будетъ съ нами, не имѣя никакого помышленія во время молитвы. Св. отцы говорятъ: „если кто устами молится, объ умѣ-же небрежетъ, тотъ напрасно трудится, ибо Богъ внимаетъ уму, а не многорѣчію; умная молитва не допускаетъ имѣть въ умѣ какое-либо мечтаніе или нечистую мысль“. Если кто не навыкнетъ умной Іисусовой

молитвѣ, не можетъ имѣть непрестанной молитвы. Если же кто навыкнетъ молитвѣ Іисусовой, и она соединится съ сердцемъ, тогда подобно источнику потечетъ сія молитва на всякомъ мѣстѣ, при всякомъ дѣлѣ, во всякое время, всегда будетъ возбуждать человѣка бодрствующаго и спящаго; когда начнетъ тѣло спать или дремать, и тогда она возбуждаетъ его, исторгаясь извнутрь и никогда не уничтожаясь. Посему велика эта молитва, никогда не оставляемая, такъ что при ней, хотя уста изнемогаютъ и дремлетъ тѣло, но духъ никогда не спитъ. Когда исполняется прилежно неотложное дѣло, или сильно насилуютъ помыслы умъ, или одолѣваетъ сонъ, тогда нужно усердно молиться устами и языкомъ, чтобы умъ внималъ голосу; когда же умъ въ тишинѣ и спокойствіи отъ помысловъ, тогда можно имъ однимъ молиться. Этотъ путь молитвенный—скорѣйшій ко спасенію, чѣмъ посредствомъ псалмовъ, канoновъ и обычныхъ молитвъ для грамотнаго. Что совершенный мужъ предъ отрокомъ, то сія молитва предъ грамотнословесіемъ, т. е. молитвою искусственно писанною. Умно-сердечная молитва—для преуспѣвшихъ; для среднихъ —пѣніе, т. е. обычныя церковныя пѣснопѣнія и для новоначальныхъ—послушаніе и трудъ. Молитва эта требуетъ трезвенія, воздержанія, удаленія отъ людей, всякаго безпопеченія и безмятежія, отъ коихъ возрастаетъ и утверждается истинная молитва. Если кто не отринетъ сихъ препятствій, не можетъ содержать и непрестанной молитвы.

Слово 25. О томъ, чтобы никогда ни о чемъ не заботиться.

Всѣ досажденія и скорби причиняютъ намъ бѣсы; они хитро подводятъ безвременныя заботы и различныя сѣти для того, чтобы отвлечь нашъ умъ отъ молитвеннаго созерцанія, то-есть стараются сдѣлать умъ нашъ празднымъ,

5 Зак. 123ф.

незанятымъ дѣломъ спасенія, сторгнуть его отъ высокой молитвенной любви Божіей. Если бы возможно было имъ, дали бы царство и богатство всего міра, только бы заботливостью отвлечь умъ нашъ отъ памяти любви къ Богу, то-есть отъ непрестанной молитвенной памяти, непрестаннаго моленія, что есть любовь къ Богу. А мы больше всего будемъ имѣть заботу объ этомъ и не оставимъ молитвенной сладости. Все попеченіе возложимъ на Бога; Онъ исполнитъ всѣ наши нужды. Предадимъ забвенію всѣ дѣла міра сего и не будемъ имѣть заботу ни о чемъ въ вѣкѣ семъ, ибо она связываетъ иноку руки и ноги и противъ воли влечетъ его къ любви міра сего; какъ вода угашаетъ огонь, такъ и печаль вѣка сего—любовь къ Богу. Посему будемъ внимательны и всегда усердны къ любви Божіей, и Господь попечется о нуждахъ нашихъ; тогда явится и источникъ слезъ отъ сей молитвы. Если отстранимся отъ смущенія и волненія мірскаго, тогда чрезъ вниманіе и храненіе сердечное, сладостною становится молитва, и слезы сами собою проливаются; не съ принужденіемъ уже источаетъ ихъ изъ себя человѣкъ, но съ радостью. Если кто желаетъ, при вышесказанной молитвѣ, исполниться горячею любовью къ Богу еще до исхода души своей, пожить подвижнически и въ нуждѣ, и носить на тѣлѣ своемъ мертвость Іисусову: быть всегда мертвымъ плотью и во всѣ дни жизни своей работать безъ смущенія одному Богу, то начало и конецъ всему этому—отсѣчь всѣ пристрастія и похоти и всякое попеченіе и суету міра сего. Устранись отъ всякаго человѣка, молвы и смущенія, проводя птичіе житіе и нисколько не заботься о суетныхъ; все останется на землѣ, ибо мы живемъ здѣсь въ гостяхъ, какъ сказалъ Апостолъ: *наше житіе на небесахъ* (Фил. 3, 20); попечемся только о душѣ и во всякой нуждѣ имѣй попечителемъ Бога; нигдѣ, никогда, ни въ какой нуждѣ не оставляетъ Богъ несомнѣнно надѣющихся на Него всецѣло и работающихъ Ему всѣмъ сердцемъ въ любви къ Нему.

Если поживемъ въ надеждѣ на Бога—хотя и одинъ день и такъ скончаемся, то это лучше многихъ лѣтъ проведенныхъ въ двоедушіи; нигдѣ не писано, чтобы уповающіи на Бога оставлялись. Ибо невозможно спастись, не оторвавъ своего ума отъ суеты и всякой заботы и не собравъ его въ одно мѣсто. Единый умъ, или Христу всецѣло предать, или суетному попеченію. Всякое помышленіе и забота, преждевременныя и отвлекающія нашъ умъ отъ молитвы, происходитъ отъ бѣсовъ. Желающій спастись и угодить Богу, пусть отвратится отъ всего земнаго и поживетъ, какъ одна изъ птицъ; пусть изберетъ отдѣльное подходящее мѣсто и пребываетъ на единѣ или съ духовнымъ своимъ чадомъ, переноситъ недостатокъ въ тѣлесныхъ потребностяхъ пищѣ, одеждѣ и вещахъ; въ недостаткѣ душа смиряется и умиляется, а умъ возвышается; когда человѣкъ ничего невидитъ у себя, легче терпитъ тѣломъ, радуется душею о будущихъ наградахъ. Гдѣ-же изобиліе во всѣхъ потребностяхъ посреди многихъ братій, тамъ невозможно сохранить умъ невозмущеннымъ, потому что требуетъ послушанія и оставленія своей воли и исполненія во всемъ повелѣннаго.

Слово 26. О непрестанной молитвѣ.

Что должно сдѣлать, чтобы умъ всегда былъ занятъ Богомъ? Если не пріобрѣтемъ трехъ слѣдующихъ добродѣтелей: любви къ Богу и людямъ, воздержанія и молитвы Іисусовой; то не можетъ умъ нашъ вполнѣ быть занятымъ Богомъ; ибо любовь укрощаетъ гнѣвъ, воздержаніе ослабляетъ похоть, а молитва отвлекаетъ умъ отъ помысловъ и прогоняетъ собою всякую ненависть и высокоуміе. Будь же постоянно занятъ Богомъ, ибо Богъ всему научитъ тебя и откроетъ Святымъ Духомъ вышнее—небесное и нижнее—земное. Аминь.

Молитва Живоначальной Троицѣ.

Отче Преблагiй, и Сыне Пресвятый, и Душе Святый: Троице Святая, Нераздѣлимый Боже, спаси меня грѣшнаго!

Слово 27. Четыре связующiя добродѣтели.

Основанiе всѣмъ благимъ въ слѣдующемъ: сидѣть въ своей келлiи, прiобрѣтать непрестанную молитву, воздерживать чрево и языкъ. Нерадящiй о сихъ четырехъ добродѣтеляхъ, пусть знаетъ, что не только эти погубляетъ, но и всѣмъ добродѣтелямъ разрушаетъ основанiе и открываетъ источникъ страстей и бездну смущенiя. Келлiя иноку—что гробъ мертвому: мертвый никогда не движится во гробѣ, и инокъ, сидя въ келлiи своей, никогда не согрѣшаетъ, будучи свободенъ отъ трехъ поводовъ ко грѣху: зрѣнiя, слушанiя и разговора; только Богъ въ немъ пребываетъ и добрыя дѣла. Молитва же отвлекаетъ отъ всѣхъ помысловъ, такъ что все въ мiрѣ семъ считается, какъ прахъ и пепелъ. Когда душа ощутитъ сладость молитвы, тогда ни во что считаетъ жизнь, не желаетъ красотъ и сладостей, забываетъ о себѣ и всѣхъ живущихъ на землѣ. Посему должно исполнять молитвенное правило и крѣпко понуждать себя къ молитвѣ. Когда же изнеможемъ, тогда нужно приниматься за рукодѣлiе, чтобы не овладѣлъ нами сонъ. Если ночью во время молитвы нападетъ сонъ, тягость очей, тогда при огнѣ должно бодрствовать и не склоняться къ низу, но смотрѣть прямо на икону. Удерживанiе чрева отъ пищи, то-есть постъ и воздержанiе, подаетъ бодрость, легкость тѣлу для совершенiя добродѣтелей; воздержникъ подобно орлу летаетъ, не чувствуя плоти. Воздержанiе языка избавляетъ отъ слѣдующихъ пороковъ: клеветы, смущенiя, празднословiя, лжи, окамененiя сердечнаго безъ умиленiя, унынiя, тщеславiя, показыванiя своего подвига. Отъ многословiя происходитъ погубленiе добродѣтелей, разоренiе безмолвiя и прочiя безчестныя страсти. Молчаливый страшенъ бѣсамъ, потому что они не видятъ сердечныя тайны у совершенныхъ, когда не говорятъ устами. Любящiй же многословiе не избѣжитъ грѣха. Если всѣ дѣла грѣховной жизни положить на одну сторону вѣсовъ, а молчанiе на другую, то найдемъ, что оно перетянетъ ихъ. Видишь ли, сколькимъ добродѣтелямъ бываетъ помощью пустынное отшельничество и воздержанiе языка, и сколько худаго они уничтожаютъ! Начало, прочность, и конецъ, корень и основанiе пустынной безмолвной жизни —многая молитва; а трезвенiе, не мечтательность ума и алчба—помощники сему. Безъ этого человѣкъ склоненъ бываетъ на увлеченiе помыслами, сонъ, лѣность, разсѣянность, унынiе, разслабленiе, и понапрасну онъ тратитъ время. Кромѣ сего ему требуется горячая, непоколебимая вѣра и упованiе на Бога, терпѣнiе, постоянство утвержденное мужествомъ, безпопеченiе о всѣхъ предметахъ благословныхъ и неблагословныхъ, потому что умъ, занятый предметами, заботится, мечтаетъ, разсѣевается, прилѣпляется къ нимъ, и отъ этого погашается теплота сердца, сладость молитвы, духовная горячность и ревность; умъ въ нерадѣнiи дремлетъ и забывается, и человѣкъ праздно губитъ время, забываетъ о смерти, мукѣ и царствiи небесномъ, дремлетъ и тѣломъ, и спитъ мрачнымъ сномъ, а душа одна не можетъ бороться со сномъ, будить и поднимать отъ сна плоть безъ возбужденiя и содѣйствiя ума, то есть трезвенiя и сердечной молитвы. Человѣкъ или укрѣпляется и приходитъ въ совершенство отъ умнаго возбужденiя и отъ сердечнаго дѣланiя, или ослабѣваетъ и одолѣвается отъ страстей и часто страдаетъ отъ бѣсовъ. Ибо, кто пребываетъ въ десныхъ, то-есть сердечномъ дѣланiи, сохраняетъ умъ отъ скверныхъ помысловъ и сердце блюдетъ, то въ таковомъ пребываютъ святыя силы и помогаютъ ему; если же кто остается въ шуiихъ, того одолѣваютъ противныя силы. Многiе св. отцы такъ говорили

объ этомъ: „если пребывать спокойно въ келліи (а келлія всему научитъ) съ возбужденіемъ и возгрѣваніемъ себя самого, трезвенно и усердно всею душею, умомъ и сердцемъ быть занятымъ однимъ Богомъ, отъ всего удаляться, и сохранять свой умъ трезвеннымъ и немечтательнымъ въ помыслахъ, воздерживаться въ пищи, непрестанно и прилежно заниматься молитвою Іисусовою,—если такъ пребывать въ келліи, то какъ бы остномъ будетъ уязвляться тогда душа и сердце, и умъ ревностію озаряется". Безмолвіе есть не отвлекаемое служеніе и предстояніе Богу. Если человѣкъ, когда, исполнивъ все это, чего никогда не испыталъ, вкуситъ сладость любви къ Богу, именно отъ молитвы Іисусовой, тогда избѣгаетъ народа, какъ дикій оселъ и тогда познаетъ пустынное безмолвіе и получитъ пользу отъ отшельничества.

Слово 28. О томъ, чтобы заботиться о внутреннемъ, въ излишнія же попеченія не вдаваться, но непрестанно молиться Богу.

Смотри, инокъ, будь внимателенъ къ хитрымъ замысламъ лукавыхъ бѣсовъ и трезвись умомъ! Лукавые бѣсы когда видятъ человѣка въ хорошемъ настроеніи, со слезами творящаго молитву и добродѣтели, тогда напоминаютъ ему о какихъ либо дѣлахъ по келліи, говоря: „это дѣло необходимо, смотри, исполни его"! Сегодня это, завтра —то, или другое, или десятое; или: „иди и посѣти брата", или: „иди туда и сюда", или заставляютъ припасать излишнюю пищу и другое и иное всячески предлагаютъ, безпокоятъ и тревожатъ его. Для того это дѣлаютъ они, чтобы не былъ онъ свободенъ для Бога и ненасытился бы слезнымъ умиленіемъ плача. Ты же, подвижникъ и воинъ Христовъ, познай обманъ лукавыхъ бѣсовъ и смотри, что они дѣлаютъ, чтобы какимъ либо образомъ не обма-

нули тебя. Ибо какъ невозможно смотрѣть однимъ глазомъ на небо, другимъ—на землю, такъ нельзя человѣку заботиться о душѣ и тѣлѣ. Какъ источникъ не можетъ однимъ теченіемъ изливать сладкую и горькую воду, такъ невозможно человѣку и Богу работать и о тѣлѣ заботиться; невозможно мамонѣ работать и Богу угождать, невозможно есть, ибо одного возненавидитъ, а другого возлюбитъ, какъ рабъ, служащій двумъ господамъ, не можетъ обоихъ любить. Такимъ образомъ не должно намъ считать для себя вѣчнымъ никакого другого предмета, кромѣ одного безсмертнаго Создателя нашего: Ему работать, для Него малое это время употреблять, на вѣчное уповать. Поэтому самому святые отцы заботились только о нынѣшнемъ днѣ; о завтрашнемъ же, касательно всякой вещи и нужды, заботу возлагали на Бога, предавая въ руки Господни душу и тѣло, да Самъ Онъ промышляетъ о жизни ихъ и заботится о всякой потребности. *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. 54, 23); только Имъ однимъ будь непрестанно занятъ; ибо Онъ всегда слышитъ день и нощь взывающихъ къ Нему; особенно же взираетъ на непрестанную молитву ихъ. Если же мы сами о себѣ заботимся, то Богъ не заботится о насъ; если сами мстимъ, то Богъ не отомщаетъ за насъ; если сами себя освобождаемъ отъ болѣзней, то Богъ не исцѣляетъ насъ. Когда же воспріимемъ упованіе, упразднимся для молитвы, бросимъ попеченіе, тогда приходитъ намъ на умъ память смерти, и пришествіе Христово, и возгорается сердечная теплота, очищается и просвѣтляется умъ и душа наша услаждается умиленіемъ и пребываетъ въ страхѣ Божіемъ. Когда же привяжемся къ излишнему рукодѣлію и попечительности, тогда все забываемъ; и память смертную и пришествіе Христово, и теплота сердца погашается, и свѣтлость ума помрачается и умиленіе и страхъ Божій отходятъ отъ души, и удаляется она отъ Бога чрезъ излишнее рукодѣліе и заботу. Посему должно намъ возложить упо-

ваніе на Бога, дабы Онъ промышлялъ о жизни нашей, и жизнь наша тогда будетъ согласна съ апостольскимъ словомъ, какъ сказано: *аще живемъ, аще умираемъ; Господни есмы* (Рим. 14, 8), т. е. если живемъ въ надеждѣ на Бога, какъ и Господь сказалъ: *вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ. И всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 25—26). Если же заботимся о завтрашнемъ и печемся о сладостяхъ, и въ томъ потратимъ сіе малое время, то когда же будемъ свободны для Бога? Ясно, что оставимъ Его и отпадаемъ отъ Божественной любви Его и лишимся всѣхъ добродѣтелей, и Имъ Самимъ будемъ оставлены, лишимся славы Его, и будетъ наша жизнь въ надеждѣ на себя таковою: или живемъ, или умираемъ, живемъ грѣху и умираемъ для муки. Да не свяжемся какъ нибудь мало-по-малу сею пагубнѣйшею заботою; иначе и земныхъ благъ лишимся и будущихъ не получимъ. Однажды навсегда мы отреклись земныхъ вещей, мірскаго мудрованія; предадимъ же забвенію всякую мірскую прелесть; пренебрежемъ все прелестное и презримъ все временное вѣка сего; и такъ приступимъ къ одному Господу, день и нощь будемъ служить Ему въ страхѣ, отъ всѣхъ въ мірѣ семъ нагимъ быть и имѣть птичье житіе. О, инокъ! Развѣ не считаешь все, находящееся въ мірѣ за ничто, а заботишься о необходимыхъ потребностяхъ тѣлесныхъ? Все тлѣнно и имѣетъ конецъ; благоденствіе міра сего или покой тѣлесный—суета суетъ. О, инокъ! скажу тебѣ полезное слово, что ничего нѣтъ нужнѣе каждому своей души; и самое тѣло наше будемъ имѣть, какъ чужое, ибо—смертно и тлѣнно. Кромѣ Бога только одна душа наша безсмертна и нетлѣнна. Положившійся на Бога поистинѣ не заботится о плоти,—чѣмъ ее питать, одѣвать, не собираетъ имѣнія на случай голода и не страшится ничего — ни звѣремъ быть съѣдену, ни убиту, но все это по заповѣди оставляетъ, ибо имѣетъ во всемъ попечителемъ и помощникомъ Бога. Если кто не возложитъ всего себя на Бога,—и въ

необходимыхъ тѣлесныхъ нуждахъ и во всякой скорби не будетъ говорить: „какъ Богу угодно",—не можетъ спастись. Терпящій же скорби, мало-по малу возвеселится при исходѣ своей души и по исходѣ возрадуется неизреченною радостью. Когда болѣемъ, получаемъ раны, или къ смерти приближаемся и умираемъ, или терпимъ недостатокъ въ необходимыхъ потребностяхъ и никого не имѣемъ, кто бы помиловалъ насъ; и если при этомъ скажемъ: „какъ Богъ хочетъ, такъ да сотворитъ съ нами",—то этимъ однимъ посрамленъ и побѣжденъ будетъ діаволъ, врагъ нашъ.

На всякій часъ ожидай кончины своей и пришествія Христова и говори: „теперь постараюсь о своей душѣ, вечеромъ могу умереть"; когда придетъ вечеръ, подумай: не въ эту-ли ночь скончаюсь, — или внезапно придетъ смерть, или дерево поразитъ меня, или жилище обрушится и убіетъ меня, или дыханіе вдругъ остановится и, какъ цвѣтъ отпадаетъ, увяну я и, какъ трава высыхаетъ, умру и потомъ безъ вѣсти останусь; Богъ одинъ знаетъ, гдѣ я тогда буду находиться; ибо Онъ судитъ каждаго по дѣламъ, говоря: „туда его опредѣляю". Такъ размышляй на всякій день и ни о чемъ не заботься, только о грѣхахъ своихъ, и такимъ образомъ душа твоя воидетъ въ смиреніе и плачъ и за страшнаго грѣшника будешь считать себя и непрестанно источать источники слезъ. Въ потребностяхъ же, одеждѣ, посудѣ и вещахъ, соблюдай простоту, худость, скромность,—не потому, что не на что купить, а потому, что этимъ душа смиряется и не удаляется отъ Бога, — и вездѣ удобно найдетъ ихъ; и просто сказать, въ этомъ поступай такъ, чтобы ни въ чемъ не обличала совѣсть. Не презирающій всякую вещь, и славу, и тѣлесный покой, и еще самооправданій въ чемъ либо, не можетъ спастись. О, человѣкъ! внимателенъ будь къ своей душѣ, потому что она одна у тебя, и одно время жизни твоей, и неизвѣстенъ конецъ—смерть, и непроходима и наполнена твоими врагами воздушная пучина. Не будетъ тогда другаго

помощника кромѣ добрыхъ дѣлъ; внимай себѣ, чтобы не каяться тебѣ на безконечные вѣки. Непрестанно молись и провождай день за днемъ во вниманіи, ко спасенію своей души, о тѣлесныхъ потребностяхъ промышляй самое необходимое изъ нихъ. Забылъ, несчастный, твое обѣщаніе и первую ревность въ томъ, чтобы только непрестанно молиться, и попеченіе всякое возложить на Бога, дабы Онъ промышлялъ о всемъ, о пищѣ же и одеждѣ, и въ скорбяхъ, когда подобно безплотно мужался ты. Не знаешь-ли, бѣдный, что насколько святые оставляли всякую суету и заботу сего міра, настолько Богъ исполнялъ ихъ нужды и недостатки; какъ неистощимое сокровище имѣли они божественную помощь. Насколько же суетится человѣкъ, настолько и Богомъ оставляется. О, человѣкъ! Вспомни часъ смертный и муку вѣчную, вспомни жизнь безконечную, несказанную красоту и славу, которую отъ вѣка приготовилъ Богъ любящимъ Его, избраннымъ Своимъ. Вспомни прошедшее время свое и годы, которые потеряны были въ суетѣ міра сего; можешь ли возвратить изъ нихъ хоть бы одинъ день или ночь; равно если придетъ конецъ жизни твоей, можешь ли ты прибавить, или выпросить на покаяніе хоть одинъ часъ Захотимъ взыскать худо потраченное время нашей жизни и не найдемъ. Итакъ, познай прелесть лукавыхъ бѣсовъ; будемъ трезвиться умомъ и о суетномъ небречь, когда тѣло взалкаетъ, тогда и пищу найдетъ, такъ и въ прочихъ потребностяхъ; ибо какъ пузырь на водѣ пропадаетъ, такъ каждая вещь міра сего истлѣваетъ. Невозможно Богу работать и мамонѣ. Но лукавые бѣсы внимательно и неотступно наблюдаютъ за нами, къ чему мы склонны, къ тому и побуждаютъ насъ; замѣчая наше грѣховное желаніе, помрачаютъ нашъ умъ, и день за днемъ крадутъ наше время, и, какъ воры, тайно проникаютъ въ нашу мысль и понуждаютъ насъ заботиться о тлѣнныхъ вещахъ, а Бога и душу свою оставлять, и влагаютъ въ нашъ помыслъ: „это, или то дѣло весьма нужно,

сдѣлай его сегодня или завтра"; тогда какъ оно нисколько ненужно. О, человѣкъ, будь къ сему внимателенъ, и блаженъ будешь! Послушай апостола Павла, говорящаго: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17),—во всякое время на всякомъ мѣстѣ. И если скажешь: „невозможно постоянно молиться, ибо тѣло ослабѣетъ въ службѣ"? Не о томъ онъ говоритъ, что только въ стояніи идетъ время молитвы, но о томъ, чтобы всегда молиться, какъ то: ночью, днемъ, вечеромъ, утромъ, въ полдень; и на всякій часъ,—работая, ядя, пія, лежа, вставая, говори: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя"! И не ожидай для молитвы опредѣленнаго времени—года, мѣсяца, недѣли и не дѣлай различія мѣстъ, ибо не въ мѣстѣ и времени, а въ умѣ представляется Божество и на всякомъ мѣстѣ владычество Его.

Слово 29. ВОПРОСЪ: чѣмъ сохраняется трезвость ума, отчего происходитъ сонливость и холодность нашей мысли, угашающая святую теплоту въ душѣ и усердіе къ Богу?

ОТВѢТЪ: хранитъ эту святую теплоту мысль трезвенная, горячая ревность, чтобы мужественно и терпѣливо на каждый часъ всѣми силами ограждать свою душу отъ разслабленія. Эта ревность устраняетъ всякое сопротивленіе, дреманіе, лѣность, тяготу, разслабленіе и уныніе. Эта ревность укрѣпляется, возбуждается, разгорается и бываетъ охраною дома добродѣтелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно исполнять обычные поклоны, рукодѣліе и прохлаждаться на воздухѣ, ибо отъ этого большая помощь и сила противъ сна, лѣности, тягости и разслабленія. А на молитву нужно становиться въ свѣжемъ мѣстѣ, т. е. прохладномъ, потому что тогда кровь не приступаетъ въ ноги, это только не для немощнаго и болѣзненнаго тѣломъ, но для здороваго. Въ теплой же комнатѣ нападаетъ: дремота, сонъ, лѣность,

тягота, разслабленіе, и это стѣсняетъ и одолѣваетъ подвижника. Ничто такъ не томитъ уединенныхъ пустынножителей, какъ эти немощи. Впрочемъ, будь внимателенъ къ себѣ самому: отъ молвы рождается многословіе; отъ многословія — празднословіе; отъ празднословія – праздность; отъ праздности — лишеніе добрыхъ дѣлъ, и впадаетъ тогда человѣкъ во всякое зло.

Слово 30. О снѣ. Какъ должно бороться со сномъ, желающимъ хорошо потрудиться ради Бога въ уединенной жизни.

Въ пустынѣ, въ уединенной жизни шесть сильныхъ бореній: лѣность, уныніе, сонъ, отчаяніе, тягота и страхъ. Ради шести сихъ страстей св. отцы возбраняютъ жить одному. Воистину сонъ губительнѣе и лѣности и унынія и отчаянія, такъ какъ отъ него происходятъ эти послѣднія, и многія другія страсти. Тягота же и страхъ временемъ борютъ. Какъ назову его (сонъ), – не лѣностью ли, когда кто-либо спитъ ненасытимымъ сномъ. Когда мрачный сонъ одолѣетъ, тогда подвижникъ унываетъ и скорбитъ о погибшемъ времени; потомъ приходитъ отчаяніе о утратѣ душевнаго спасенія; является уязвляющій совѣсть помыслъ, говоря; „напрасенъ твой трудъ, такъ какъ овладѣлъ тобою сонъ". Великое, братіе, бѣдствіе есть сонъ: какъ мгла покрываетъ солнце, такъ многій сонъ закрываетъ созерцательную силу ума, и какъ завѣсу налагаетъ забвеніе на умъ, который становится отъ того не чувствительнымъ ко всему доброму духовному и непамятливъ. Задремалъ стражъ, — разбойники напали; когда умъ не чувствуетъ и все бываетъ мрачное и страстное. Бѣсы, какъ тьмою умъ омрачаютъ, и какъ водою погашаютъ огонь, такъ дремотою и сномъ они одолѣваютъ, для того, чтобы имѣть возможность лишить душу всѣхъ добрыхъ дѣлъ и навести на

нее страсти. Все усиліе и стараніе бѣсовъ противъ насъ состоитъ въ томъ, чтобы отвлечь нашъ умъ отъ Бога и непрестаннаго подвига. Для сего они силятся всякимъ образомъ, всякими предлогами удержать насъ въ суетѣ вѣка сего, или хотятъ погрузить насъ въ сонъ, чтобы окрасть время чрезъ праздное пребываніе. Одинъ сонъ, но много причинъ его бываетъ: — отъ естества, когда мы имѣемъ потребность, отъ объяденія, мечтательности ума, молвы, смущенія, скорби, бѣсовской зависти, унынія, или отъ излишне продолжительнаго пощенія, отъ чего, изнемогая плоть, хочетъ успокоить себя сномъ. Какъ многояденіе и многопитіе переходитъ въ обычай, — кто напримѣръ, навыкнетъ много ѣсть, особенно же пить, много природа проситъ; а кто навыкнетъ мало ѣсть, мало тогда и природа проситъ; — такъ и сонъ: если кто ослабѣетъ и неборется со сномъ, а хочетъ спать до насыщенія, много тогда и природа требуетъ сна. И таковый всегда, какъ во тьмѣ проводитъ жизнь, постоянно имѣя имѣя умъ мрачнымъ и не занятъ дѣланіемъ добродѣтелей. Если же кто навыкнетъ мало спать, мало и природа тогда сего проситъ. Очень пагубна привычка ко сну неумѣренному; кто пріобрѣлъ сіе отъ юности, пусть таковой потрудится и понудитъ себя противъ нея въ началѣ отверженія міра. Если кто хочетъ побѣдить сонъ во время стоянія, сидѣнія и лежанія и пріучить себя къ бодрости, то требуется много воздержанія, трезвенія ума, непрестанной молитвы Іисусовой, невозмущаемаго безмолвія, горячей ревности, чтобы на всякій часъ оградить свою душу отъ разслабленія терпѣніемъ. Пусть и память смертная спитъ и возстаетъ съ тобою, тогда тѣло противъ своего желанія послѣдуетъ за душою. Ничто такъ не помогаетъ противъ сна, какъ слѣдующія четыре добродѣтели: воздержаніе, трезвеніе, молитва Іисусова и память смертная; эти добродѣтели называются бодрымъ и трезвымъ стражемъ. Безъ этихъ четырехъ добродѣтелей бываетъ душевный домъ сномъ и мечтатель-

ностію. Не терпитъ голодное чрево на одрѣ своемъ всю ночь лежать, и не помрачается глубокимъ сномъ имѣющій трезвый умъ, и не замедлитъ на одрѣ чувствующій сладость молитвы, и не облѣнится вспоминающій о своемъ положеніи во гробѣ. Четыре выше указанныя добродѣтели всегда возбуждаютъ духъ. Будемъ же бодрствовать, воздерживаться, трезвиться, творить молитву Іисусову и имѣть память смертную, и симъ вооружимся противъ сна; ибо если кто и бодрствуетъ днемъ, а указанныхъ добродѣтелей не имѣетъ, то впадаетъ въ многоразличное зло. Посему требуется продолжительное бодрствованіе, воздержаніе, трезвеніе, твердое стояніе на молитвѣ и память смерти, чтобы мало-по-малу уничтожился сонъ. Когда, стоя на молитвѣ, изнеможешь, тогда присядь на стульцѣ среди келліи, а на стѣну нисколько не опирайся, потому что станешь дремать, то начнешь шататься и пробудишься. Если за молитвою дремлешь, тогда берись за книги и борись; если и книги на даетъ сонъ читать, тогда возьмись за рукодѣліе и молитвою оградись. Знаю, что одною молитвою безъ рукодѣлія не поборешь сна, а одолѣнъ будешь имъ. Бѣсы же понуждаютъ насъ присѣсть и безъ нужды, подъ предлогомъ изнеможенія и запрещаютъ рукодѣліе принимать и тотчасъ послѣ нѣкоторой малой бодрости внезапно наводятъ какъ тьму глубокій сонъ и такъ омрачаютъ и погружаютъ въ безпамятство. Поэтому, любезный подвижникъ, не слушай ихъ; безъ книги и рукодѣлія никогда не садись; не потому, что нужно рукодѣліе, но для того, чтобы поставить противодѣйствіе сну. На всю ночь въ распятіи должно стать противъ сонной сласти, всячески противиться, а не оставаться въ лѣности. Прежде исправь обычное молитвенное правило, понуждая себя твердо молиться, потомъ отдохни немного за рукодѣліемъ, чтобы не предаться сну; ради немощи рукодѣліе признается необходимымъ. Отъ того еще сонъ очень укореняется и возрастаетъ, что за первымъ пробужденіемъ человѣкъ, обратившись опять засыпаетъ, какъ теленокъ лѣнивый, или какъ свинья, желающая всегда валяться въ грязи. Тогда отъ такого ангелъ Божій отступаетъ, и онъ впадаетъ въ руки противныхъ враговъ, и они удерживаютъ его во внѣ, сколько хотятъ, показывая ему всякія мечты и приведенія. Если ты встанешь отъ своего ложа, и опять начнетъ томить тебя сонъ отъ бѣсовскаго навожденія, то мужественно вскочи, какъ отъ огня, или какъ отъ ядовитой змѣи, или какъ отъ рыкающаго льва, хотящаго пожрать тебя. Противостань сну подвижникъ, и возставъ освѣжись на вѣтрѣ, держа въ тоже время и молитву. Живущему въ одиночествѣ не нужно спать въ концѣ дня или ночи, ибо отъ сего бываетъ съ нимъ большая тягота, и потому еще, что въ концѣ дня св. ангелъ, хранитель нашъ, приходитъ на поклоненіе Богу, отдавая отвѣтъ о нашихъ дѣлахъ, какъ пишетъ о семъ нѣкто изъ отцевъ. Но должно отдохнуть или прежде или послѣ зари; какъ и птица, если проспитъ зарю, то не можетъ, какъ говорятъ нѣкоторые, летать. Враги часто понуждаютъ насъ и не во время спать, говоря во умѣ: „приляжь хоть немного и опять встанешь", чтобы чрезъ это некогда было и книги читать, или за рукодѣліе приниматься. Если послушаешь ихъ и ляжешь, то много времени погубишь. Такова привычка ко сну: когда кто привыкнетъ спать прежде времени, тогда и сонъ увеличивается; когда же пропускаетъ кто время сна, пока самъ ослабѣетъ, тогда сонъ уменьшается и на рукодѣліе время остается. Отъ многаго сна и объяденія тѣло бываетъ слабо, болѣе тяжело и нездорово. Если очень ты одолѣваешься сномъ, то спи въ одно опредѣленное время или на вечеръ или ночью, въ тепломъ или холодномъ мѣстѣ, гдѣ меньше спится, а въ теплѣ берегись не угари; въ прочее же время не ложись спать, но бодрствуй. Мѣра сна въ нощеденствіе, то-есть въ сутки: новоначальнымъ – семь часовъ, среднимъ — четыре, совершеннымъ — два часа и всенощное стояніе. И всегда днемъ и ночью слѣдуетъ, сколько возможно,

бодрствовать и крѣпиться. Вотъ—ангельское бдѣніе: поспавши первый сонъ, вставать въ то время кажется и тяжело и больно, какъ-бы всѣ члены больны и разслаблены, когда-же человѣкъ укрѣпится, встанетъ и проходится немного на вѣтрѣ, то исчезнутъ всѣ болѣзни и тяготы; и весь день будетъ онъ веселъ и радостенъ, что не полѣнился. Поступай такъ и побѣдишь сонъ. Когда не можешь поступать по вышеписанному, то прими себѣ подруга; ибо никто не можетъ побѣдить сна, пребывая на единѣ, если не противостанетъ ему всею своею силою, — такъ какъ таковый не имѣетъ сподвижника и наставника изъ людей, то необходимо самому имѣть мужество и страхъ Божій. Поэтому многіе святые, сидя принимали мало сна; нѣкоторые, стоя на молитвѣ, моргая очами, смотрѣли, или прислуживали святымъ; а ты, любящій спать, хочешь одолѣть сонъ; нѣтъ не такъ! Если же не побѣдимъ сна, —напрасенъ будетъ трудъ нашъ. Почему это, когда бываемъ вмѣстѣ съ братіями, то бодрствуемъ и крѣпимся изъ-за стыда, а когда находимся одни, тогда побѣждаемся сномъ и не крѣпимся? Очевидно потому, что пусты и не имѣемъ добрыхъ дѣлъ и страха Божія. Отцы святые до тѣхъ поръ крѣпились отъ сна, чуть на землю не падали. Одинъ изъ отцевъ поставлялъ свѣчу, привязывая близъ нея веревочку съ тяжестью; когда догорала свѣча, перегорала веревочка и тяжесть ударяла въ мѣдную звонкую вещь и пробуждала его. Другой имѣлъ весьма узкую кровать, и когда хотѣлъ повернуться (во время сна), упадалъ внизъ. Нѣкто клалъ на руку камень, и когда камень падалъ, то пробуждалъ его. Мужество и терпѣніе мать всякому доброму дѣлу. Посему, братіе, мы должны мужаться и терпѣть и укрѣпитъ насъ Господь Богъ во вѣки. Аминь.

Слово 31. О томъ, чтобы молиться съ великимъ вниманіемъ во псалмахъ и молитвословіяхъ.

Дѣлая, храни, человѣкъ! То-есть внимательно молясь, храни себя съ великою осторожностью, чтобы молиться во псалмахъ и молитвословіяхъ со страхомъ, радостью, горячимъ усердіемъ и низкимъ поклономъ божественной иконѣ. Ибо найдешь въ псалмахъ и поученіе и молитву Не краемъ языка только произноси, но молись отъ всего сердца; соединяй во одно: и тѣло и душу и умъ. Если кто и трудился безразсудно, т. е., не внимая себѣ, таковой не имѣетъ награды отъ Бога, но даже и прогнѣвляетъ Его. Какъ наполняющій худой сосудъ водою, не можетъ никогда наполнить его, такъ и молящійся безъ вниманія, не получитъ награды. Требуется не просто проговорить псаломъ или сотворить молитву какъ бы исполнить свой обычный урокъ; но псалмомъ и молитвою должно молиться Богу отъ всего сердца и постоянно въ умиленіи душевномъ, съ чистою мыслію. Богъ не требуетъ количества установленныхъ псалмовъ и молитвословій, а внимаетъ не смущенному и твердому уму нашему. Ибо многіе тысячи молитвъ совершаютъ языкомъ, умомъ же помышляютъ суетное, скверное и нечистое; и какъ Богъ услышитъ и послушаетъ таковыхъ? Самъ ты не знаешь, что творишь, о, человѣкъ! Не множества молитвъ хочетъ отъ насъ Богъ, но чтобы со страхомъ Божіимъ и умиленіемъ становились на молитву, какъ и Ангелъ Господень повелѣлъ великому Пахомію. Стараніе твое должно быть не о количествѣ, но о глубокомъ разсужденіи и вниманіи, чтобы все было принято Богомъ, что исполнишь. Не все малое мало, и не все великое велико и совершенно. Но пріобрѣти постъ и страхъ Божій, прими печальный и скорбный видъ, то есть стой на молитвѣ умиленно, скромно, и, представляя себя быть предъ престоломъ Божіимъ и считая себя землею и пепломъ, паукомъ и муравьемъ, а дѣло свое — пау-

гиною, чувствуй себя, какъ судимымъ, отъ Бога, преступившимъ заповѣди Его и содѣлавшимъ все злое. Ноги должно держать прямо, ступни вмѣстѣ сжато и не поступать съ мѣста на мѣсто, руки прилично положить на груди. Подобно тому, какъ осужденный на смерть, предстоитъ предъ судьею, не смѣя смотрѣть туда и сюда, такъ долженъ и ты стоять предъ Богомъ, Которому Ангелы предстоятъ со страхомъ и прославляютъ Его въ непрестанныхъ пѣсняхъ. Ибо не дремлющее Око день и ночь смотритъ, что мы дѣлаемъ, что помышляемъ или какъ живемъ, на кого возлагаемъ надежду во всякой скорби и нуждѣ, — на человѣка-ли, или на Его щедроты. И какъ хочетъ Великій Владыка и праведный Господь нашъ, Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, истинный Богъ и такъ можетъ избавить насъ отъ всякой напасти и бѣды. А себя считай хуже всякаго человѣка и всякой твари, и дѣло свое почитай неугоднымъ Богу. Безъ этого же, тайное безстрашіе возбуждаетъ хульно высокоуміе. По вѣрѣ нашей и Богъ помогаетъ намъ во всякой нуждѣ. Если сильнѣе надѣемся и уповаемъ, сильнѣе и Богъ помогаетъ намъ.

Слово 32. О смущеніи и страхованіяхъ бѣсовскихъ.

Во время умныя бури и мрака, когда бываетъ особенно тяжелое время для живущаго въ одиночествѣ, полезна непрестанная молитва; рукодѣліе съ молитвою также служитъ большою помощью; или просто проспать то тяжелое время, не задумываясь и не печалясь, и тѣмъ избавиться отъ вреда. Во время сильнаго вражескаго смущенія, когда душа страшится, должно псалмы и молитвы произносить вслухъ, или съ молитвою соединять и рукодѣліе, чтобы умъ внималъ тому, что исполняетъ, и ничуть не обращать вниманія на смущенія и не бояться, ибо съ нами пребываетъ Господь и Ангелъ Господень никогда не отступаетъ отъ насъ; иногда можно прохлаждаться на вѣтрѣ,— и отъ всего этого бѣсы тотчасъ отойдутъ. Особенно противятся бѣсы Іисусовой молитвѣ, потому что ничто такъ не вредитъ имъ и не повергаетъ ихъ въ уныніе, какъ молитва сія. Очень страшна бѣсамъ молитва Іисусова, ибо какъ огонь попаляетъ терніе, такъ молитва сія, соединенная съ постомъ, опаляетъ и прогоняетъ ихъ. Посему они и усиливаются отнять ее, но немного побезпокоивши, какъ дымъ въ воздухѣ, исчезаютъ и бываютъ невидимы. Если готовишься къ молитвѣ, готовься къ брани бѣсовской и твердо вооружись, чтобы мужественно претерпѣть находящую отъ нихъ брань. Какъ дикіе звѣри выйдутъ они противъ тебя и всему твоему тѣлу причинятъ страданіе; ибо большое смущеніе дѣлаютъ бодрствующему и прилѣжно занимающемуся молитвою, такъ какъ видятъ оружіе то, уничтожающее силу ихъ и, не терпя его, съ болѣзнью и трепетомъ исчезаютъ. Господь Богъ да поможетъ намъ и да сохранитъ насъ Своею благодатію во вѣки. Аминь.

Слово 33. О томъ, чтобы терпѣть напраслину и всякое укореніе и досажденіе.

Строго берегись и будь внимательна душа моя, потому что послѣднія времена уже наступаютъ, и требуется для тебя особенный подвигъ и терпѣніе отъ бѣсовъ и людей;—посреди людей отъ видимыхъ, а въ пустынѣ отъ невидимыхъ враговъ. Никто никогда не принимаетъ вѣнецъ жизни безъ страданія, не побѣдивъ врага; если же кто выйдетъ противъ борца и побѣдитъ его храбростью и мужествомъ своимъ, тогда получаетъ честь и славу и свѣтлый вѣнецъ. Такъ и ты, душа моя, должна крѣпиться и претерпѣвать всякую досаду, безчестіе, и всякое укореніе прими съ радостію, и не только безъ возношенія и самооправданія, но даже прощенія проси, такъ какъ всякое

оскорбленіе, досада, поношеніе, злословіе, укореніе и всякое презрѣніе и напраслина доставляетъ человѣку смиреніе и благодать. Если не претерпѣваешь всего этого, но огорчаешься, возносишься и гнѣваешься на оскорбителей, то не можешь придти въ совершенство и спастись, ибо это дѣло новоначальныхъ, страстныхъ, малодушныхъ и слабоумныхъ; совершеннымъ же свойственно принимать все это съ радостью и претерпѣвать съ благодареніемъ. Когда самъ врагъ не можетъ кому либо изъ насъ, какъ нибудь досадить и попрепятствовать въ добромъ житіи, тогда наводитъ непосильныя скорби - наущаетъ противъ насъ нѣкоторыхъ подходящихъ для него людей, чтобы чрезъ нихъ, какъ свое орудіе, побѣдить насъ; то противъ самаго же врага будетъ похвальная наша побѣда – терпѣть ради царствія небеснаго наносимыя имъ скорби, чрезъ досажденіе и напраслину и уничиженіе отъ людей. Вспомни отъ вѣка святыхъ, которыхъ недостоинъ весь міръ, бывшихъ въ лишеніяхъ, скорбяхъ, гоненіяхъ, притѣсненіяхъ. Ты-же какой новый путь хочешь установить, которымъ думаешь спастись. Если не можешь трудиться по отечески, то по крайней мѣрѣ, по отечески разумно терпи. Не мала эта, лучше сказать, больше всѣхъ добродѣтелей: если кто терпитъ напраслину или досажденіе Бога ради съ благодареніемъ,—не малое дѣло творитъ. Въ этомъ смиреніе и любовь, чтобы терпѣть скорби отъ брата. Этимъ однимъ многіе спаслись, особенно этотъ путь принадлежитъ юродивымъ, ибо они много терпятъ напраслины. Великое дѣло юродство Бога ради, ибо оно обнимаетъ всѣ добродѣтели; изъ всего житейскаго они ничего не имѣютъ у себя, только одно терпѣніе всеусердно пріобрѣтаютъ и тѣмъ всѣ скорби преодолѣваютъ. Такъ, душа моя, въ нынѣшнее время лучше этого нѣтъ пути ко спасенію. Будь глухъ, нѣмъ, слѣпъ и какъ бы не чувственнымъ ко всему житейскому и отъ самыхъ людей какъ безумный уединяйся и считай себя ни къ чему не способнымъ, какъ бы юродивымъ, Бога ради.

Желающій быть мудрымъ и разумнымъ въ этомъ мірѣ, буимъ (неразумнымъ) предъ Богомъ пусть будетъ всѣмъ слуга. Соломонъ, укоряя себя въ излишнемъ мудрствованіи, сказалъ, что оно суетно и что тотъ блаженъ человѣкъ, который стяжалъ страхъ Божій, смиреніе и любовь, то-есть непрестанную молитву; таковой стяжалъ истинную мудрость міра и богатство. Спасаетъ же насъ вѣра безъ всякаго грѣховнаго порока. Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ и дѣла безъ вѣры мертвы; гдѣ правая вѣра и добрыя дѣла, тамъ полная праведность. Въ нынѣшніе времена требуется человѣку сомаго себя учить, себѣ самому внимать во всякой добродѣтели. Воздыхающій одинъ часъ о душѣ своей, лучше пользующаго весь міръ. Если себя спасемъ — довольно есть намъ. Каждый, дѣлая что-либо изъ добродѣтелей, спасаетъ себя одного; если же кто весь міръ спасаетъ, а себя погубитъ, то какая ему отъ этого польза? Всѣ мы знаемъ, какъ спастись, но по лѣности не хочемъ, спасай же себя самого! Не всякій дастъ отвѣтъ въ томъ, что не наставлялъ другихъ, но тѣ, которымъ дано; имъ и должно до смерти страдать и полагать душу свою за стадо; о себѣ же самомъ каждый дастъ отвѣтъ. Если и великіе иноки по смиренію убѣгали начальства, и славы и того, чтобы учить другихъ и носить чужую тяжесть, какъ повѣтствуютъ о нихъ священныя повѣсти, но о себѣ только заботились,—то тѣмъ болѣе намъ грѣшнымъ и немощнымъ, нужно избѣгать таковаго дѣла, ибо этимъ повредимъ и себя и ближнихъ. Вмѣсто же многихъ, о себѣ попечемся. Нынѣ нѣкоторые люди не принимаютъ добраго ученія и отеческаго житія; но болѣе того, еще смѣются надъ подвизающимися хорошо: живутъ по своей воли и избираютъ себѣ подобныхъ учителей. Поэтому нѣкоторые, поучая другихъ, себѣ тѣмъ повредили; отъ таковаго устроенія другихъ разоряемъ свое основаніе и охлаждаемъ душевную теплоту. Довольно намъ о себѣ заботиться только, о своемъ спасеніи. Къ братнему же недостатку, видя и слыша,

относись какъ слѣпой, глухой и нѣмой,—не видя, не слыша и не говоря, какъ грубый умомъ, не понимая, не показывая себя мудрымъ; но къ себѣ будь внимателенъ, разсудителенъ и прозорливъ. Если кто, желающій спастись, видя и слыша всякое досадительное слово, не сдѣлаетъ око свое слѣпымъ, ухо глухимъ и языкъ нѣмымъ, не можетъ быть безъ смущенія и въ душевной тишинѣ. Когда же будешь кѣмъ либо допрашиваться, не допускай себѣ оправдываться, или противорѣчить, но скажи со смиреніемъ: „прости меня Бога ради", и остальное молчи. Ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ показалъ примѣръ смиренія, какъ написано: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ Своихъ. Во смиреніи Его судъ Его взятся: родъ же Его кто исповѣсть* (Исаіи. 53, 7—8). Такъ долженъ ты, человѣкъ, подражать своему Создателю; такъ долженъ быть безотвѣтнымъ предъ оскорбляющимъ тебя, какъ бы имѣя въ устахъ воду или не имѣя языка; только говори: „прости", считая себя достойнымъ всякаго мученія, помышляй внутри себя: „если цѣлый міръ возстанетъ противъ тебя, цѣлый годъ дѣлая тебѣ поношеніе и огорченіе, то что тебѣ до людей, скверный"? Не думай, что отъ брата твоего ты получаешь вредъ въ чемъ либо. Само собою безъ него возстаетъ въ насъ зло. Если и потерпишь ради будущей награды какую либо скорбь, то во всемъ укоряй себя, а не брата. Во всякомъ дѣлѣ старайся себя укорять, показывая и считая себя, что ты земля и въ землю опять отойдешь. Пріобрѣти навсегда три слова: „прости, благослови и помолись за меня грѣшнаго". Никого не спрашивай о какой вещи, которая тебѣ не нужна. Навыкни говорить о каждомъ человѣкѣ добро, а себя уничижай. Въ этомъ—великое смиреніе, возводящее душу изъ ада, отсѣченіе страстей и великая побѣда и оружіе противъ діавола. Господь Богъ да укрѣпитъ насъ терпѣть напраслину.

Слово 34. О томъ, чтобы терпѣть скорби.

Желающему спастись не должно бояться и смотрѣть на лютыя скорби, происходящія отъ бѣсовъ или отъ людей, потому что въ человѣческой жизни много измѣненій бываетъ: перемѣняются и люди отъ зла на добро и любовь. Боящійся скорбей обыкновенно приходитъ въ слабость и малодушіе. Если кто привыкнетъ убѣгать или избавляться отъ скорбей, или переходить съ мѣста на мѣсто, или выбирать время, и тогда начинать подвизаться, таковой во всѣ дни своей жизни не найдетъ мѣста и времени для полученія пользы Должно же взирать и надѣяться на милость Божію и вспоминать отъ вѣка преславныя чудеса Его и помощь надѣющимся на него угодникамъ Его, что ни въ какой нуждѣ и скорби не оставляетъ Богъ и никогда выше силы нашей не попускаетъ искушеніе, и посему должно намъ съ благодареніемъ ради Бога и будущихъ вѣчныхъ благъ, мужественно нести свой крестъ,— терпѣть все скорбное въ данномъ времени и мѣстѣ. По слову Апостола: *многими скорбями должно намъ войти въ царство небесное* (Дѣян. Апост. 14, 22); этимъ узкимъ—скорбнымъ путемъ придемъ въ высочайшее совершенство терпѣнія и на всякомъ мѣстѣ не лишимся полезнаго, но получимъ его милостью Божіею и не потеряемъ напрасно время нашей жизни Забудемъ все скорбное отъ бѣсовъ и людей и не будемъ заботиться ни о какой скорби, ни о пищи; только о томъ пусть будетъ у насъ попеченіе, чтобы настоящее время не прошло праздно, то-есть безъ духовнаго подвига и молитвы. Когда же найдетъ на насъ какая либо печаль отъ бѣсовъ и людей, или скорбь, или болѣзнь, или бѣда, тогда особенно прилежно будемъ молиться Богу, вопіять со слезами, ни сколько не разсуждая и не заботясь о томъ, какъ избавиться отъ той нужды, ибо всякая скорбь безъ Божія промысла не бываетъ съ нами, посему возлюбимъ узкій и трудный путь скорбной жизни; ибо этотъ узкій и

скорбный путь ведетъ въ царствіе небесное, а потому не будемъ избѣгать его въ напастяхъ, бѣдахъ, нуждахъ и скорбяхъ, но мужественно будемъ терпѣть все скорбное, трудное, непріятное, пока не получимъ божественной помощи. Подобаетъ подвижнику, рабу Божію, быть крѣпкимъ, при всякой скорби, положить свое сердце какъ бы на твердынѣ, а не быть, какъ вода слабымъ. Жизнь эта, какъ колесо вертящееся, не постоянна и не стройна; иногда бываетъ для человѣка благополучіе, нѣкоторый почетъ, къ сему не прилагай сердца; иногда бываетъ гоненіе отъ людей—тогда не печалься; иногда отъ бѣсовъ скорби, нападенія, страсти;—тогда не скорби. Все это приходитъ намъ—и попускается Богомъ для нашего спасенія, и опять отходитъ, какъ устроитъ благодать Его, чтобы наказать и помиловать насъ. Ему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Если хочешь не гнѣваться на оскорбителя твоего, то прилежно отъ всего сердца молись о немъ Богу и дай ему какой либо подарокъ, или малое утѣшеніе; иногда самъ приди къ нему, когда увидишь, что онъ опомнился отъ гнѣва, и поговори о прощеніи грѣха, узнай причину и показывай ему еще большую любовь; при встрѣчѣ предупреждай его низкимъ поклономъ, и каждому говори о немъ, что онъ добръ; ничто такъ не приводитъ его въ умиленіе и смиреніе, какъ это; и ничто такъ не возбуждаетъ гнѣвъ у него, какъ укореніе его оскорбителемъ, и отвращеніе отъ него, и заочное злословіе его, потому что слышащій можетъ передать ему о всемъ. Великое это зло, и духовныхъ затрогиваетъ эта страсть. Таковый, спасающій себя и друга своего, поистинѣ мудрый и совершенный подвижникъ и лучше много трудящагося.

Если кто думаетъ, что онъ имѣетъ любовь, но не одинаковую ко всѣмъ, а различаетъ, отдѣляетъ нищаго отъ богатаго, немощнаго отъ здороваго, грѣшнаго отъ праведнаго, чужаго отъ ближняго, враждующаго отъ любящаго;

то таковая любовь несовершенна, но отчасти. Дѣйствительная и совершенная любовь состоитъ въ томъ чтобы всѣхъ считать и любить одинаково, какъ любящихъ, такъ и ненавидящихъ. Таковая любовь, а съ нею не раздѣльно и милосердіе,—кратко скажу,—есть неводъ всѣмъ добродѣтелямъ, всѣ заповѣди Божіи собою обнимаетъ и содержитъ. Если кто и можетъ сохранить всѣ заповѣди, то только сохранившіе это. Потому мы и не приходимъ въ совершенство и не получаемъ благодати, что не исполняемъ въ совершенствѣ заповѣди. Возлегшему на пречистыя перси Господа сказано въ Откровеніи: *побѣдившему міръ дамъ вѣнецъ животный*. Побѣдить же міръ, значитъ побѣдить терпѣніемъ мудрованіе его, и страсти, и всякое зло; т. е. страдать, отставить свои привычки и волю отъ мірскаго мудрованія, міролюбивой жизни, и обратить къ духовной жизни, не дѣлать никакого зла и сохранять заповѣди Божіи. Ибо добрыя дѣла—жертва Богу, *и сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*, а человѣческія страсти—жертва бѣсамъ. Однако человѣкъ сотворенъ безстрастнымъ; страсти же у него бываютъ отъ произвола—дѣлать или не дѣлать ихъ. Насъ же да сохранитъ Господь отъ страстей.

Слово 35. О разнообразіи браней бѣсовскихъ и о томъ, какъ отсѣчь начало прилога всякаго помысла и похоти.

Внимай себѣ, инокъ, разумно и прилежно бодрымъ умомъ: когда приходятъ бѣсы, какимъ способомъ уловляютъ и чѣмъ сами побѣждаются. Храни себя съ великою осторожностію, потому что на всякій часъ ходишь среди страстей и сѣтей: повсюду окружаютъ страсти, вездѣ разставлены сѣти, да не будешь чрезъ страсти и сѣти привлеченъ врагомъ въ его волю. Великая нужда настоитъ и необходимость бороться плотяному человѣку съ безплот-

нымъ; одному съ тьмою враговъ; много слезъ, много терпѣнія, многого страданія и опасенія и тысячи глазъ всюду требуется. Ибо злобно, подобно льву, возлетаютъ на насъ злохитрые духи; погубили бы насъ если-бы не былъ съ нами Господь. Многоопытны они въ искусствѣ уловлять, болѣе чѣмъ семь тысячь лѣтъ, безъ сна, пищи и отдыха всегда, на всякій часъ всѣми способами ищутъ нашей погибели, со всякою хитростью и съ великимъ стараніемъ. Въ одномъ оказавшись безсильными, умышляютъ другое, также начинаютъ иное и высматриваютъ другое и кругомъ рыскаютъ, гдѣ-бы найдти дверцы войти и оттуда начать борьбу и какъ-бы напакостить и надѣлать зла. Или не знаешь съ кѣмъ имѣешь брань, какой полкъ невидимыхъ враговъ окружаетъ тебя и каждый изъ нихъ ведетъ свою борьбу, испущаютъ безчисленные голоса, желаютъ поглотить твою душу,—и ты не радѣешь?! Развѣ возможно, чтобы, упитываясь, предаваясь сну, лежанію и постоянно утѣшаясь, и при этомъ получить спасеніе? Если не будешь внимательнымъ къ сему, не избѣжишь сѣтей. Какъ бы въ огонь вскочить пришли мы на подвигъ. Если желаемъ быть настоящими воинами Царя небеснаго и не ложными соучастниками, то удалимъ отъ себя всю молву и привязанность ко всему земному, отъ чего возникаютъ умственныя испаренія и какъ туманомъ темнымъ покрываютъ душу. Сбросимъ съ себя всякое нерадѣніе, и малодушіе и женственную слабость, и такъ противостанемъ бѣсовскому коварству; потрудимся въ молитвахъ и прочихъ добродѣтеляхъ со всѣмъ усердіемъ и силою, душою, сердцемъ, умомъ, подобно тому, какъ кто-либо быстро бѣжитъ дорогою, не оглядываясь, или какой скупой — постится. Ибо такова хитрость у лукавыхъ бѣсовъ: они постоянно заняты нами; какъ сторожа подмѣчаютъ наши наклонности и пожеланія: о чемъ мы думаемъ и что любимъ, чѣмъ заняты помимо ихъ; и какую страсть замѣчаютъ въ насъ, къ тому насъ и побуждаютъ, такія и разставляютъ намъ сѣти;

такимъ образомъ мы сами прежде возбуждаемъ противъ себя всякую страсть и бываемъ причиною ея. Потому бѣсы ищутъ въ насъ повода, что чрезъ свою наклонность и пожеланіе мы скорѣе запутаемся. Они не принуждаютъ насъ къ тому, чего мы не желаемъ, отъ чего отклоняемъ умъ, съ чѣмъ не соглашаемся по своей воли, зная, что не послушаемъ ихъ; они по немногу испытываютъ насъ: не примемъ-ли какую либо страсть, и уже къ нашему желанію и усердію присоединяютъ свои козни; ибо собственно намъ принадлежитъ поводъ ко грѣху—пристрастіе, слабость и небрежность,—не отсѣкаемъ начало каждой страсти; а конечная причина зла—бѣсы; чрезъ бѣсовъ впадаемъ мы во всякій грѣхъ, и по мимо ихъ не постигаетъ насъ никакое зло. Такъ бѣсы ввергаютъ насъ во всякую страсть, понуждаютъ впадать во всякій грѣхъ, и мы запутываемся во всякой сѣти. Сѣтями же ихъ называю прилогъ пожеланій и скверные помыслы, чрезъ которые мы связываемся всякою страстью и впадаемъ во всякій грѣхъ; лучше сказать, это—дверь бѣсамъ и страстямъ, которыми они входятъ къ намъ и расхищаютъ наше духовное сокровище. Неумѣренный сонъ, лѣность, безвременное яденіе бываютъ причиною входу бѣсовъ. Пришедши, они прежде всего толкаютъ въ двери сердечныя, то есть тайно, какъ воры, влагаютъ помыслъ и замѣчаютъ: есть-ли сторожъ, или нѣтъ, то-есть принятъ-ли будетъ помыслъ, или нѣтъ; если принятъ, тогда начинаютъ производить страсть и побуждать къ ней и окрадываютъ духовное богатство. Если они найдутъ сторожа въ сердечныхъ дверяхъ, то-есть, когда кто привыкнетъ уничижать и отгонять ихъ помыслы, отвращается умомъ начальнаго мысленнаго прилога, имѣетъ свой умъ глухимъ и нѣмымъ къ лаянію ихъ, обращеннымъ въ глубину сердца, то-есть ничуть не соглашающимся съ ними, —то таковому они не могутъ сдѣлать пакости, такъ какъ умъ у него трезвится. Затѣмъ они начинаютъ вымышлять и разставлять различныя сѣти и ловить въ страсти; каковы:

забывчивость, ярость, неразуміе, самолюбіе, гордость, славолюбіе, сластолюбіе, объяденіе, чревобѣсіе, блудъ, немилосердіе, гнѣвъ, памятозлобіе, хула, печаль, наглость, тщеславіе, многословіе, уныніе, страхованіе, сонъ, лѣность, тягота, ужасъ, ревность, зависть, ненависть, лицемѣріе, лесть, роптаніе, невѣріе, непослушаніе, лихоимство, вещелюбіе, мшелоимство, малодушіе, двоедушіе, острожелчіе, любоначальство, человѣкоугодіе, дерзость, смѣхъ. Потомъ возбуждаютъ они большую бурю неотступныхъ блудныхъ и хульныхъ помысловъ, чтобы подвижникъ устрашился и отчаялся, или чтобы оставилъ подвигъ и молитву. Если же враги, воздвигая все это, никакъ не могутъ удержать и отвратить отъ подвига твердой души и непоколебимаго воина Христова, страстотерпчески положившаго свое основаніе на камнѣ вѣры, такъ что и рѣки скорбей своимъ устремленіемъ непоколеблютъ его, тогда они окрадываютъ его кажущимся добромъ нѣкіимъ, считая удобнѣе подъ видомъ добра поднести нѣчто свое, и такимъ образомъ лишаютъ настоящей совершеннѣйшей добродѣтели, молитвы и подвига. Такъ принуждаютъ насъ творить духовныя бесѣды, ради любви, учить людей или прибавить что либо въ пищѣ, ради друга или для праздника усладить нѣсколько, ибо знаютъ, льстивые, что отъ сластолюбія палъ Адамъ; прежде начнутъ помрачать умную чистоту и вниманіе къ себѣ, и такимъ путемъ внезапно ввергаютъ въ ровъ любодѣянія, или въ какую-либо другую страсть. Если и такимъ образомъ не поколебаютъ трезвящагося умомъ, то вооружаются ложными привидѣніями, возбуждаютъ людей и сами съ ними вооружаются, оскорбляя и смущая его разными болѣзнями. Искуснѣйшій же воинъ все это мимо себя пропускаетъ и нивочто ставитъ, какъ бы не относящееся къ нему; ибо знаетъ, что все это бѣсовское помышленіе. Если и такъ не побѣдятъ, то борятъ высокоуміемъ, влагаютъ помыслъ, что онъ святъ, говоря ему тайно: „сколько скорбей ты претерпѣлъ". Бѣсы, какъ хитрый

ловецъ, когда первыя средства ихъ окажутся безсильны, тогда оставляютъ ихъ, отходятъ, скрываются и представляются побѣжденными. Смотри же, человѣкъ, внимай, не плошай, они и до гроба твоего не отойдутъ, но приготовляютъ большую засаду, высматриваютъ внимательно, какимъ образомъ снова начать и возстать, ибо не отдыхаютъ. Когда теплота усердія остынетъ у подвижника, то они тайно, приготовивъ какую нибудь сѣть, опять приходятъ и разстилаютъ, и ловятъ. Во всѣхъ путяхъ добродѣтели бѣсы устраиваютъ козни и препятствія, когда мы всякое дѣло исполняемъ внимательно для спасенія своего, а не изъ человѣкоугодія, или по какому либо замыслу. Если же въ добродѣтели скрывается какая либо нечистота — гордость, тщеславіе и высокоуміе, то въ такомъ дѣлѣ бѣсы не препятствуютъ намъ, но даже понуждаютъ на то, чтобы трудились безъ пользы. Ни о чемъ такъ бѣсы не стараются, какъ ухитряются всякими способами украсть время празднымъ. Во всемъ, что дѣлаютъ бѣсы, они стараются ископать намъ три ямы: во-первыхъ, противодѣйствуютъ и мѣшаютъ чтобы не было добра во всѣхъ видахъ добродѣтели; во-вторыхъ, стараются, чтобы не было добра ради Бога, то-есть не имѣя возможности отклонить отъ добра, они силятся чрезъ тщеславіе погубить всѣ наши труды; въ третьихъ, ублажаютъ, какъ будто мы во всемъ оказываемся богоугодны, то есть, будучи не въ силахъ опутать насъ тщеславіемъ, они стараются высокоуміемъ погубить наши труды и лишить насъ награды. Въ трехъ видахъ бываетъ и всякая бѣсовская брань противъ насъ: прежде, бѣсы помрачаютъ нашъ умъ, и человѣкъ становится забывчивымъ и много разсѣянъ въ каждомъ дѣлѣ; потомъ, влагаютъ праздный помыслъ, чтобы чрезъ него тратилось время; наконецъ, наносятъ различныя искушенія и болѣзни. Поэтому требуется намъ на всякое время весьма трезвиться умомъ; ибо враги непрестанно ухищряются противодѣйствовать намъ. Если кто много лѣтъ подвизается,

враги ищутъ удобное время, чтобы за одинъ часъ разрушить труды его. Немногіе изъ людей видятъ безчисленныя уловки, замыслы, коварства бѣсовскія. Какъ безплотный духъ, онъ не требуетъ отдыха и чрезъ долговременную жизнь научился уловлять. Посему никто не избѣжитъ коварства, пагубныхъ сѣтей и засады ихъ, кромѣ пребывающаго въ тѣлесной немощи отъ постояннаго подвига и живущій въ нищетѣ духовной, то-есть съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ смиренныхъ помыслахъ,—таковый побѣдитъ ихъ. Больше же всего содѣйствуетъ намъ божественная помощь. Однако въ насъ, какъ прежде сказали, начало всѣхъ страстей: пристрастіе, слабость и небрежность, - что не отвергаемъ душею и мыслью и не отсѣкаемъ первоначальный прилогъ каждой находящей страсти, а бѣсы прилагаютъ еще большее. Ищи въ себѣ причину всякой страсти и, найдя, вооружись и выкопай корень ея страдальческимъ мечемъ; если не искоренишь, опять пуститъ отростки и возрастетъ; безъ сего средства не можешь побѣдить страсти, придти въ чистоту и спастись. Посему должно, если желаемъ спастись, отсѣкать первоначальный прилогъ помысла и пожеланія всякой страсти; побѣждай малое, чтобы не впасть въ великое и все послѣдующее побѣдишь этимъ однимъ. Очевидно же бѣсовскою бранью или какою либо другою упорною страстью обуреваться попускаетъ Богъ за гордость и высокоуміе, когда кто считаетъ себя святымъ, или крѣпкимъ и на себя надѣется, а надъ слабѣйшими превозносится. Пусть таковой сознаетъ свою немощь, познаетъ Божію помощь и вразумится, что безъ Божіей помощи онъ ничего не можетъ дѣлать и смиритъ свой помыслъ. Или опять попускаетъ это, какъ наказаніе за грѣхи, чтобы покаялись и были опытнѣе въ подвигѣ; или-же—ради вѣнцовъ за побѣду. Однако, чѣмъ ты побѣжденъ, отъ чего страдаешь, противъ того прежде всѣхъ страстей и вооружись и на то употреби все свое усердіе. Всякая страсть и страданіе побѣждается несомнѣн-

ною вѣрою, сердечнымъ трудомъ и слезами, горячимъ усердіемъ и быстрымъ устремленіемъ противостоять настоящей страсти,—сіе есть высокое и похвальное отеческое бореніе. Отъ четырехъ причинъ происходитъ и утверждается каждая бѣсовская брань противъ насъ: отъ нерадѣнія и лѣности, отъ самолюбія, сластолюбія и отъ зависти бѣсовской. Господь сохранитъ насъ Своею благодатію отъ всѣхъ козней вражіихъ и страстныхъ дѣлъ во вѣки. Аминь.

Слово 36. О различныхъ скорбяхъ и тяготахъ отъ бѣсовъ.

Не слѣдуетъ иноку начинать безмолвіе прежде испытанія и многаго изученія страстей. Если онъ самъ не опытенъ и не имѣетъ наставника и безъ таковой помощи начинаетъ борьбу противъ лукавыхъ бѣсовъ, то скоро умерщвляется ими. Нужно намъ познавать разные бѣсовскіе прилоги, болѣзней и тяжестей; ибо бѣсы, напримѣръ, производятъ головную боль, какъ будто весь мозгъ сотрясается и движется, когда нужно дѣлать поклоны. Это лукавый дерзаетъ входить чрезъ слуховой проходъ и строить козни: отягощаетъ голову, возбуждаетъ мозгъ и удерживаетъ отъ подвига и поклоновъ. которые для нихъ вредны. Иногда головная боль бываетъ отъ одного приближенія къ намъ бѣсовъ и великаго отъ нихъ душевнаго смущенія; но бываетъ что они входятъ въ насъ чрезъ слухъ и опять выходятъ, и отъ этого болитъ голова. Отъ смущенія, приближенія и входа бѣсовскаго, голова болитъ и умъ помрачается, сердце ноетъ и уста смыкаются. Тогда требуется намъ просвѣжиться, и тотчасъ какъ вѣтромъ разнесетъ ихъ безъ слѣда, какъ кучу комаровъ. Также напускаютъ бѣсы глухоту, жаръ въ головѣ и ушахъ, какъ будто пьявка ползетъ по головѣ, или какъ будто кто рветъ за волосы, такъ что едва можно стерпѣть, голова садняетъ, производятъ тяжелое помраченіе, такъ что думается, отнялась

часть ума и имъ писаніе и книжный складъ не понимается; этимъ бѣсы хотятъ выгнать насъ изъ пустыннаго безмолвія; однако же, все будетъ по старому, какъ и прежде; не бойся, инокъ, только уповай на Бога! Также наводятъ они забывчивость и слѣпоту, какъ будто глаза хотятъ выскочить; наводятъ медлительность въ словахъ и болѣзнь языку и устамъ, какъ будто они слипаются клеемъ, когда мы молимся; напускаютъ икоту, не такую, которая бываетъ во время отрыжки пищи, которую мы вкушали, а иную,— только воздухомъ, такъ что весьма болѣетъ гортань; также они изводятъ болѣзнь шеи, какъ будто клещами кто сжимаетъ жилы. Если мы въ этихъ искушеніяхъ потрудимся настоятельно и бодро въ молитвѣ, тогда бѣсы, какъ мыши наполняютъ воздухъ, громко кричатъ разными голосами, желая растерзать насъ или хоть низложить на сѣдалище, или на постель и едва отходятъ. Если сядемъ, то бѣсы, стоя близъ, играютъ на свирѣли и сопѣляхъ, которыя называются скоморошнымъ пузыремъ, и душа, слыша это, разслабляется лѣностью, и какъ огонь, опускаемый въ воду, угашается и такъ засыпаетъ; а они носятся надъ нами, чтобы мы еще болѣе дремали и спали. Смрадъ же отъ нихъ много отвратительнѣе песьяго смрада, такъ что уста сжимаются; во время же бдѣнія они какъ бы жаромъ опаляютъ лице намъ. Нѣкоторые полагаютъ, что отъ бдѣнія изсякаетъ плоть, но это не правильно, а отъ бѣсовскаго тогда приближенія; также отъ какой либо возбуждающей пищи бываетъ у насъ двойная тяжелая брань. Все это наводятъ бѣсы въ уединенной жизни, чтобы выгнать насъ изъ пустыни. Такъ какъ и съ нѣкоторыми святыми много разъ бывала болѣзнь, то мы, считая это за естественную немощь и какъ бы по нуждѣ и немощи ложимся на постель, желая получить облегченіе, не подозрѣвая хитрости лукавыхъ бѣсовъ; они же, замѣтивъ наше нерадѣніе, что мы и мало не хотимъ понудить себя противъ болѣзней, еще болѣе овладѣваютъ нами, такъ что всѣ члены разсла-

бѣваютъ и болѣютъ. Если же мы, укрѣпимся, встанемъ, прохладимся на вѣтрѣ и усердно помолимся, тогда болѣзнь исчезаетъ и остается безъ слѣда. Еще производятъ бѣсы зудъ въ рукахъ, болѣзнь въ ногахъ какъ будто бьетъ; напускаютъ сверботу во всемъ тѣлѣ; наводятъ тоску и недовольство, даже касаются всѣхъ членовъ нашихъ тѣлесныхъ, входятъ въ нихъ и причиняютъ пакости страстнымъ людямъ. И что много говорить, все это такъ бываетъ. Подобно сему Макарій великій, ходя по пустынѣ, видѣлъ бѣса вмѣсто одеждъ увѣшаннаго тыквами, который поневоли открылъ святому свои дѣянія: „Обрати, говоритъ, вниманіе на сосуды, которые видишь на мнѣ; на какихъ мѣстахъ какіе сосуды висятъ, тѣ мѣста у людей я помазываю изъ соотвѣтствующихъ сосудовъ, и они, отягощаясь, страдаютъ". Какія бы скорби не причиняли намъ бѣсы, всѣ они стараются скрыть, чтобы мы не узнали, что онѣ отъ нихъ происходятъ; высматриваютъ особенное время и наводятъ болѣзнь или тяготу, чтобы не ихъ считали виновниками, а роптали бы на время, что оно тяжко, и, не понимая лукавствъ ихъ и не терпя съ благодареніемъ, лишались награды. Когда же случится съ нами какая-либо болѣзнь или тягота, тогда отъ всего сердца станемъ на камнѣ вѣры, какъ храбрый воинъ Христовъ, и если это— бѣсовская, то скоро начнетъ ослабѣвать и скоро исчезнетъ; если же это—естественная болѣзнь, то начнетъ усиливаться. И когда узнаемъ, что бѣсовская, тогда противостанемъ до смерти; если же естественная, то нѣтъ нужды насиловать свою природу. Всѣ же приносимыя бѣсами скорби мы можемъ терпѣть и побѣждать, если понудимся, потому что Богъ выше силы нашей не попускаетъ на насъ искушеній, но облегчаетъ, только бы мы терпѣли и не выходили изъ безмолвницы своей и единомысленно и несомнѣнно положились на Бога. Если кто сопротивляется врагамъ, отъ того убѣгаютъ они; если же кто не нудитъ себя, то одолѣвается ими; Богъ *вселяетъ единомысленныя*

въ домъ и изводитъ окованныя мужествомъ (Пс. 67, 7). На всякій день ждетъ Онъ отъ насъ терпѣнія и прилагаетъ къ нашему произволенію Свою помощь, подавая ее во всякой нашей нуждѣ. До тѣхъ поръ подвижники страдаютъ, пока посѣтитъ ихъ благодать; ибо тогда помыслы очищаются, и страсти тогда уменьшаются и уничтожаются; тогда и страданіе отъ болѣзней и тягота облегчаются; тогда заграждаются въ насъ входы бѣсамъ и страстямъ. Молитвою и постомъ, слезами и поклонами и благодатію Божіею изгоняются изъ насъ бѣсы; однако и тогда, до исхода своей души, требуется великая осторожность, какъ бы намъ неожиданно по небрежности нашей не сдѣлать что-нибудь не угодное Богу, или какъ бы бѣсы не сдѣлали намъ какой напасти, и чрезъ то какъ бы не отошла отъ насъ благодать Божія. Ибо страшно лукавство и пронырливость злобнохитрыхъ бѣсовъ, и безчисленныя злобныя коварства и замыслы ихъ. Во всѣхъ нашихъ намѣреніяхъ они мѣшаютъ и противодѣйствуютъ намъ. Немногіе познаютъ сѣти ихъ; но только души мужественныя, которымъ и Богъ открываетъ. Господь Богъ нашъ да поможетъ намъ и укрѣпитъ насъ противъ всѣхъ скорбей бѣсовскихъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

Слово 37. О страхованіи.

Если кто боязливъ, то не смущайся нисколько, но будь мужественъ и возлагай упованіе на Бога и совсѣмъ не обращай вниманія на смущеніе. Не допускай укорениться въ себѣ сему дѣтскому настроенію, какъ обычно дѣти боятся, но считай его за ничто, какъ бѣсовское. Рабъ Божій боится только своего Владыки, Который создалъ тѣло, вложилъ въ него душу и оживилъ; бѣсы же, безъ попущенія Божія, ничего не могутъ причинить намъ, но только устрашаютъ и угрожаютъ мечтаніями. Кто пріобрѣлъ мужественный умъ и возложилъ упованіе на Бога, тотъ не боится ихъ, тотъ имѣетъ въ Господѣ крѣпкаго помощника и надежду; ибо какая тварь можетъ повредить намъ, когда Богу неугодно — не попуститъ сего противъ насъ. Отъ своего помысла человѣкъ или укрѣпляется или ослабѣваетъ, ибо въ немъ рождается всякое доброе и худое дѣло; чрезъ обычай же, всякое доброе и худое дѣло прививается человѣку; къ чему же привыкнетъ человѣкъ, то для него кажется своимъ. А ты будь мужественъ, и да крѣпится сердце твое, и ограждай себя крестнымъ знаменіемъ, когда найдетъ страхованіе. То мѣсто, куда войдешь, огради крестнымъ знаменіемъ, входя и во всякую пустую храмину перекрестись и, сотворивъ молитву и сказавъ: „аминь“, войди смѣло. Если бѣсы найдутъ, что мы тверды Господомъ, тотчасъ посрамляются и не смущаютъ насъ. Будемъ держать въ мысли, что мы въ рукѣ Божіей. Господь сказалъ: *Се даю вамъ власть наступати на змію, и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничесоже васъ вредитъ* (Лук. 10, 19). Будемъ держать въ мысли, что безъ повелѣнія Божія ни власъ главы нашей не погибнетъ (Лук. 21, 18). Сами себѣ мы причиняемъ страхованіе боязливымъ помысломъ, говоря: „что если бѣсъ придетъ и поразитъ меня, или подскочитъ и устрашитъ“. Никакъ не будемъ думать объ этомъ, какъ будто это случается съ нами, и не будемъ сами для себя врагами, думая о чемъ-либо неожиданномъ, но будемъ помышлять, что одесную насъ Богъ, и не подвижимся. Бѣсы слѣдятъ за нами, какъ ловцы и внимательно наблюдаютъ за помыслами нашими; каковы мы въ помыслахъ, подобныя же подносятъ намъ свои мечтанія. Но страхъ Божій изгоняетъ страхъ бѣсовскій

Слово 38. О томъ, чего особенно боятся бѣсы.

Бѣсы очень боятся шести добродѣтелей: 1) алканія, 2) жажды, 3) молитвы Іисусовой, 4) крестнаго изображенія, —кто хорошо изображаетъ крестъ на себѣ, на лицѣ своемъ, 5) частаго причащенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ —кто достойно причащается—и 6) несомнѣнной надежды на Бога. Нѣтъ страшнѣе сего оружія противъ бѣсовъ.

Слово 39. Краткія избранныя святоотеческія слова о необходимѣйшихъ предметахъ.

Когда найдетъ на тебя искушеніе по попущенію Божію, какъ-то: нагота, болѣзнь, голодъ или какое-нибудь другое искушеніе для твоего тѣла, даже пролитіе крови ради Бога, то терпи во славу Божію, въ надеждѣ на Бога милостиваго, чтобы съ дерзновеніемъ и не постыдно сказать: *проидохомъ сквозь огонь и воду, и введенны въ покой*. Если хочешь, человѣкъ, узнать въ чемъ либо волю Божію, скажу тебѣ кратко: въ продолженіи всего твоего подвига, во всякомъ дѣлѣ присоедини, по силѣ твоей, скорбь ради Бога: вотъ воля Божія благая; ибо и малая скорбь ради Бога, лучше великаго дѣла безъ скорби. А мало-по-малу послаблять себѣ, это - не отъ Бога, а отъ бѣсовъ. Если мы немощны и не въ силахъ подвизаться, то пріобрѣтемъ смиреніе, благодареніе и молитву Іисусову; если же здоровы, то должно намъ понуждать себя до изнеможенія; и такъ мало-по-малу укрѣпится сердце наше и научится терпѣнію и добродѣтелямъ. Иначе-же спастись нельзя. Если кто живетъ не сообразно съ мѣстомъ, тотъ самъ себя гонитъ. Сладко и пріятно всѣмъ искусное слово; „ласковый теленокъ, говорится, двухъ матокъ сосетъ"; не считай это за лесть; грубый въ словѣ возбуждаетъ на гнѣвъ. Споръ, хотя и о добромъ дѣлѣ, есть противорѣчіе. Если не имѣешь

въ душѣ умиленія, то знай, что имѣешь горделивость или гнѣвъ на кого-либо, или много ѣшь, пьешь, спишь, или предался разсѣянности и попеченію, это не допускаетъ душу умилиться. Если беретъ тебя объяденіе, то скажи себѣ: о, человѣкъ, лишенъ будешь небесной пищи и всякаго райскагс наслажденія и красоты, а пища эта обратится въ червей. О, служитель божественной службы, размышляй и будь внимателенъ къ себѣ, потому что совершаешь великое дѣло — стоишь на святомъ мѣстѣ съ ангелами, гдѣ все исполнено страха и трепета. О, іерей, удаляйся оттуда, гдѣ по человѣкоугодію спѣшатъ. Ибо какое умиленіе будетъ, когда спѣшишь? а безъ слезъ и не должно служить; если же совѣсть обличаетъ тебя въ чемъ либо, то съ этимъ не дерзай служить. Если желаешь поучиться чему-либо, то приложи къ тому стараніе и научишься. Многіе были богословами великими и сочинителями искусныхъ словъ; однако только чрезъ бодрствованіе пребывали въ умиленіи: потому что бодрствованіе и уединеніе даетъ смыслъ разсужденію и удаляетъ смущеніе, ибо это имъ служило вмѣсто рукодѣлія. Разговорами занятому нейдетъ богословіе. Но постарайся человѣкъ всякій день разорять покаяніемъ содѣланные грѣхи и умывать слезами лице свое. Если смертная кончина твоя случится въ тотъ день, въ который ты пролилъ слезы, то избавленъ будешь вѣчной муки, это есть истинное покаяніе. Подобно этому избавлены были и разбойникъ слезами омочившій свой платокъ, и инокъ ежедневно впадавшій въ блудъ и ежедневно каявшійся предъ образомъ Христовымъ, и мытарь, въ перси своя біющій и со слезами говорящій: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (ук. 18, 13), блудница, омочившая слезами пречистыя ноги Христовы, и Манасія, очистившійся слезнымъ покаяніемъ. Истинно думаю, что если-бы возможно было смыть все тѣло свое слезами, то оно было бы нетлѣнно. Однако не заплачетъ человѣкъ, если не имѣетъ болѣзненнаго

труда, то-есть сокрушенія отъ грѣховнаго поползновенія или радостнаго умиленія, или воспоминанія будущаго огня, или воздаянія каждому по дѣламъ Ради сихъ четырехъ добродѣтелей Духъ святый не отходитъ отъ человѣка, но всегда съ нимъ пребываетъ. А кто надолго остается въ лѣности, или впалъ въ великій грѣхъ, или нерадитъ о страсти, въ которой находится, отъ таковаго отходитъ Святый Духъ. Начало послушанія совершенное отверженіе своей воли и оправданія, отверженія своего тѣла. Не легокъ подвигъ покорить свою волю и свой нравъ; но не можетъ кто-либо спастись безъ отверженія своей воли, хотя бы и усердно подвизался; ибо наша воля и нашъ нравъ, какъ мѣдная стѣна между нами и Богомъ. Не можемъ мы приблизиться къ Богу, пока не оставимъ своего нрава и воли. Если что-либо по желанію своему попросимъ, и прошеніе наше встрѣтитъ отказъ, въ другой разъ найдешь его сильнѣйшимъ противъ тебя. Ибо всякое доброе и худое дѣло чрезъ навыкъ растетъ, обычаемъ (привычкою) укрѣпляется; при всякомъ дѣлѣ помни объ этомъ. Если хочешь узнать чей-либо обычай и дѣла, то послушай о чемъ говорятъ уста его: ибо ничего такого не высказываютъ уста, что прежде не было бы на сердцѣ.

Слово 40. Что такое—инокъ?

Инокъ есть исполнитель заповѣдей Христовыхъ, совершенный христіанинъ, подражатель и соучастникъ страстей Христовыхъ, повседневный мученикъ, самовольный мертвецъ, добровольно умирающій въ духовныхъ подвигахъ. Инокъ есть столпъ терпѣнія, глубина смиренія, источникъ слезъ, сокровище чистоты, посмѣеватель всего, что считается прекраснымъ, сладостнымъ, славнымъ прелестнымъ въ мірѣ семъ. Инокъ есть болѣзнующая душа, непрестанно

—и въ бодрствованіи и во снѣ поучающаяся памяти смертной. Инокъ есть постоянное принужденіе природы и не послабное охраненіе чувствъ. Инокъ есть чинъ и состояніе безплотныхъ, хранимое въ вещественномъ тѣлѣ, во всякое время, на всякомъ мѣстѣ и при всякомъ дѣлѣ имѣющее въ виду одно божественное. Не возможно постоянно предстоять предъ Богомъ тому, кто не положился на Него во всякой нуждѣ всемъ сердцемъ и не отбросилъ всякую заботу. Когда же захочешь положить начало какому-либо доброму дѣлу, то прежде всего приготовь себя къ находящимъ на тебя искушеніямъ, чтобы мужественно встрѣтиться съ ними и не поколебаться въ надеждѣ на Бога. Когда человѣкъ начинаетъ съ теплою вѣрою хорошо жить, врагъ добра обыкновенно встрѣчаетъ его различными и страшными искушеніями, чтобы онъ, устрашившись сего, прекратилъ дѣло благого желанія. Если же не приготовишь себя къ срѣтенію искушеній, то остерегись совершать добродѣтель. Человѣкъ, сомнѣвающійся въ Божіей помощи, безъ искушенія боится своей тѣни. Каждому человѣку его собственная совѣсть да будетъ учителемъ и свидѣтелемъ. Во всякомъ дѣлѣ, не обсудивши напередъ каждое слово, не говори. Каждое поспѣшное дѣло, не бываетъ хорошо. Не узнавши друга, не открывай тайны. Льстивый другъ, отвратився врагомъ бываетъ.

Слово 41. О томъ, что полезно бѣжать отъ міра.

Лучше одному бороться съ бѣсами, и въ голодѣ, наготѣ и всякой скорби умереть съ малымъ подвигомъ въ пустынѣ, избѣгая міра, нежели искать великихъ подвиговъ спасенія среди міра; ибо пламень страстей міра сего разжигаетъ и опаляетъ обращающагося въ немъ инока. Если кто кажется безстрастнымъ, то таковой въ мірѣ потерпитъ вредъ; а кто страстный, тотъ запутается во всякой грѣ-

ховной сѣти. Какъ рыба, поспѣшая похитить пищу на удочкѣ, извлекается изъ воды и умираетъ, такъ монахъ, находясь въ мірѣ, привлекается помысломъ къ мірскимъ дѣламъ и противъ воли, какъ бы удочкою привлекаемый, впадаетъ въ вражескія сѣти и погибаетъ, отпадая отъ ангельской жизни, самъ свою душу умерщвляетъ и предаетъ мукѣ. Покой и сластолюбіе—бѣсовская удица, которыми бѣсы ловятъ души иноковъ на погибель. Пока мы любимъ покой тѣлесный, сласть и лѣность, то съ плотью еще боремся, а не съ бѣсами; она боретъ насъ на всякое время и помогаетъ противъ насъ бѣсамъ. Особенно боретъ насъ лѣность и во время стоянія и сидѣнія, и на ложѣ. Потому мы любимъ покой, сласть и лѣность, что они естественно съ тѣломъ растутъ, потому и борютъ насъ такъ сильно. Однако, желающій жить по Божьему, долженъ понудить себя быть выше привычки естественной. Покаемся же и изнуримъ себя на этомъ свѣтѣ; одной смерти не избѣжимъ; понуждающимъ себя бываетъ великая награда по смерти, а любящимъ покой и наслажденіе въ этой маловременной жизни, по смерти—мука вѣчная. Что же лучше, человѣче, немного дней поскорбѣть и потомъ царствовать вѣчно, или немного дней попокоиться и навѣчно мучиться? Отъ покоя и сластей происходитъ лѣность, отъ лѣности—праздность, отъ праздности—уныніе, отъ унынія—блужданіе тѣла, отъ блужданія тѣлеснаго—невоздержаніе чувствъ, отъ невоздержанія чувствъ и отъ бѣсовскаго прилога востаютъ вмѣстѣ всѣ страсти, отъ согласія и соизволенія страсти укрѣпляются. Явно, что въ мірѣ, гдѣ на все свободно смотрятъ, слушаютъ и говорятъ, бываетъ невоздержаніе чувствъ и согласіе съ прилогомъ. Посему каждый человѣкъ пусть устраняется отъ покоя тѣлеснаго, отъ слушанія, видѣнія и разговоровъ. Чувства человѣческія, какъ піонъ, когда глаза видятъ что либо, или уши слышатъ, или о чемъ разговариваемъ, тому и умъ внимаетъ, къ тому и душа стремится, того и сердце желаетъ, тому и навыкаетъ человѣкъ, то укореняется внутри, то и бѣсы непрестанно влагаютъ въ умъ о всемъ томъ и напоминаютъ; когда же чувства наши съ удовольствіемъ наслаждаются страстями, тогда уже вполнѣ является грѣхъ. Не можетъ человѣкъ очиститься отъ страстей, пока не отсѣчетъ повода къ страстямъ. Отъ слѣдующихъ страстсй происходитъ разсѣянность мыслей, помраченіе ума и входъ бѣсамъ: отъ лѣности, блужданія скверныхъ мыслей, ненасытнаго сна, частаго безвременнаго ядѣнія, вспыльчивости и покоя тѣлеснаго. Только внутреннее дѣланіе, т. е. непрестанная умная сердечная, отъ сердца истекающая молитва и постъ изгоняетъ бѣсовъ, не допускаетъ ихъ, приготовляетъ внутри мѣсто Св. Духу, и такъ человѣкъ является храмомъ Божіимъ; безъ этого же вселяется міролюбивый лукавый духъ, который овладѣваетъ тѣломъ. *Сей родъ,* сказалъ Господь, *ни чимъ же исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (Мѳ. 17, 21); внутреннее дѣланіе неприступно, страшно для бѣсовъ. Увлеченіе же худыми мыслями открываетъ имъ доступъ внутрь. Пока человѣкъ связанъ страстями и міролюбіемъ, дотолѣ бѣсы осмѣливаются властвовать надъ тѣломъ его, оскорблять, увлекать во всѣ страсти, приневоливать, какъ покорнаго и подручнаго себѣ; страсти—двери бѣсамъ; ими они входятъ, какъ дверью; отъ Бога попущается имъ вооружаться на насъ, чтобы мы познали свою немощь и не возносились. Только душевныхъ свойствъ и силы не могутъ бѣсы прямо извратить, ибо сила Божія не попускаетъ имъ того. Бываетъ, что иногда кто-либо и хорошо подвизается, но попуститъ чрезъ указанныя страсти войти бѣсамъ, тогда для него бываетъ двойная борьба и тягота, и долго не можетъ онъ придти къ первоначальному усердію. „Нѣкогда со мною такъ случилось,—говоритъ одинъ изъ постниковъ,—три года весьма тяжко былъ я боримъ". Отъ разсѣянія мыслей происходитъ дремота и мрачный, ненасытный сонъ; отъ помраченія бываетъ и паденіе во грѣхъ; отъ грѣхопаденія — отчаянное мученіе

души. Такъ какъ пареніе и помраченіе ума, какъ выше сказано, происходитъ отъ скитанія, разсѣянности мыслей и невоздержности чувствъ, то и всячески должно избѣгать соблазновъ міра, удерживать чувства и отвращать ихъ, какъ коня уздою, отъ вредныхъ случаевъ, не давая имъ воли, чтобы охраненіемъ ихъ избѣжать худыхъ дѣлъ. Трезвый умъ должно поставить добрымъ стражемъ души своей, чтобы онъ не допускалъ чувствъ до худого. Когда умъ твой оставитъ внутреннюю осторожность и осмотрительность, тогда страсти возстаютъ, и каждая изъ нихъ, расхищая духовныя силы твои, какъ оружіе противъ тебя же, направляютъ ихъ, къ своимъ дѣйствіямъ; тогда и умъ начинаетъ быть страстнымъ, разсѣяннымъ въ мысляхъ и мрачнымъ, оковы скидаетъ и тяжесть разбивается, связи распускаетъ и вещь дѣлается свободна. Посему, инокъ, трезвись умомъ, трезвись; найди себѣ мѣсто плачевное и совсѣмъ не нужное людямъ, чтобы не быть выгнаннымъ, и удаленное отъ міра; тамъ твоя безмолвная жизнь, если и пожелаешь какого либо мірскаго дѣла, но не имѣя возможности къ нему, благодаря удаленію, не впадешь въ него. Въ пустынѣ однимъ удаленіемъ отъ міра человѣкъ избавленъ бываетъ отъ страстей.

Слово 42. О томъ, что есть отъ Бога внушеніе или вражій прилогъ.

ВОПРОСЪ: почему можно было узнать, Божіе—ли то благоволеніе или вражеское искушеніе, когда случится доброе дѣло сомнительное, т. е. одинъ помыселъ побуждаетъ сдѣлать его, а другой, напротивъ, препятствуетъ ему?

ОТВѢТЪ: врагъ имѣетъ обыкновеніе скрывать истину и смѣшивать добро со зломъ. Но почему можно узнать истину? Божіе благоволеніе во всѣхъ нашихъ намѣреніяхъ кротко, благонадежно и несомнѣнно; не только въ добромъ

дѣлѣ нашемъ, но и въ беззаконіи нашемъ Богъ съ кротостью долготерпитъ и ожидаетъ нашего покаянія. А почему узнать вражій прилогъ? Врагъ обыкновенно препятствуетъ намъ и отвращаетъ насъ отъ добра. Однакоже, если въ чемъ либо, повидимому добромъ, умъ смущается и разстраиваетъ насъ, отгоняетъ страхъ Божій, лишаетъ спокойствія, такъ что безъ всякой причины сердце болитъ и умъ колеблется, то знай что это вражій прилогъ и отрини его. Вражіе—возмутительно, неспокойно и сомнительно для ума во всѣхъ нашихъ намѣреніяхъ. Не расположенію сердца нашего должно вѣрить во всемъ, но разсудивши, полезно ли нерасположеніе. Когда же умъ нашъ стѣсненъ отъ враговъ помыслами и омраченіемъ, тогда должно совершенно оставитъ всякую мысль и разсужденіе, ибо не знаемъ мы истины, пока умъ не очистится молитвою, ибо тогда помышленія, какъ мутная вода, поднмаются въ умѣ, или, какъ облако, блуждаютъ, и душевныя чувства ко всему бываютъ не чувствительны. Посему, желающій узнать истину, пусть побуждаетъ себя долгое время на горячую молитву и на желаемое дѣло; во время молитвы не можетъ врагъ скрыть истины, такъ какъ тогда онъ не имѣетъ власти; на дѣлѣ можешь испытать истинность такой вѣры. Богу нашему слава во вѣки. Аминь.

Слово 43. О несомнѣнной вѣрѣ.

Несомнѣнно вѣрующій въ Божій промыслъ не разбираетъ, какой смертью придется ему скончаться: или отъ людей, или отъ звѣрей, или отъ голода, или отъ тягости великихъ трудовъ, или отъ какихъ-либо другихъ случаевъ; двухъ смертей не будетъ, а одной никто не можетъ избѣжать. Однажды положившійся на Бога во всѣхъ нуждахъ своихъ ради царствія небеснаго и умершій для міра, потомъ уже не заботится о томъ, какъ скончаться. Однажды поло-

жившійся на Бога уже не заботится о себѣ, и что ни сдѣлаетъ, во всемъ найдетъ пользу своей души. Но пусть же знаетъ таковой, что предающій себя на всѣ скорби ради Бога, на всякомъ мѣстѣ найдетъ спасеніе. По вѣрѣ нашей и благодать Божія дается намъ; мала вѣра, мало и дается; больше вѣруемъ, большей благодати сподобляемся за терпѣніе. Ничто не случится съ нами помимо промысла Божія и устроенія Его; Богъ ожидаетъ отъ насъ только произволенія ума нашего. Но судьбы Божіи непостижимы, и посему должно въ терпѣніи спасать свои души, и *претерпѣвый до конца спасется* чрезъ Христа Іисуса Господа нашего, Ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 44. Увѣщаніе.

Умоляю и увѣщаваю васъ возлюбленные мои отцы, братія, чада въ слѣдующемъ: возлюбиши Господа твоего отъ всей души твоей и всѣмъ сердцемъ твоимъ, будь справедливъ и правдивъ, покоренъ, головой внизъ поникнутъ, а умомъ къ небу обращенъ, имѣй умиленіе къ Богу и людямъ, будь утѣшителемъ печальнаго, терпѣливъ въ искушеніяхъ и недосадителенъ, щедръ, милостивъ, кормитель нищихъ, страннопріимчивъ, печаленъ ради грѣховъ, радостенъ о Богѣ, алченъ и жажденъ, кротокъ, терпѣливъ, не славолюбивъ, не златолюбивъ, друголюбецъ, не лицемѣренъ, не горделивъ, трудолюбивъ для Бога, молчаливъ, въ отвѣтахъ пріятенъ, усерденъ въ постѣ, частыхъ молитвахъ, бдѣніяхъ и псалмопѣніяхъ, разуменъ; не осуждай всякаго человѣка, но зазирай себѣ;—и будешь за все это чадо Евангелія, сынъ воскресенія, наслѣдникъ жизни во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же честь и держава, и поклоненіе со Отцемъ, и Пресвятымъ Духомъ, нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово 45. Заключеніе *).

Днесь крины и прекрасные цвѣты, о любимцы, собирайте, и все благое о Господѣ Бозѣ житіе составляйте. Отъ написанныхъ же, ужековъ (родственниковъ) и ближ-

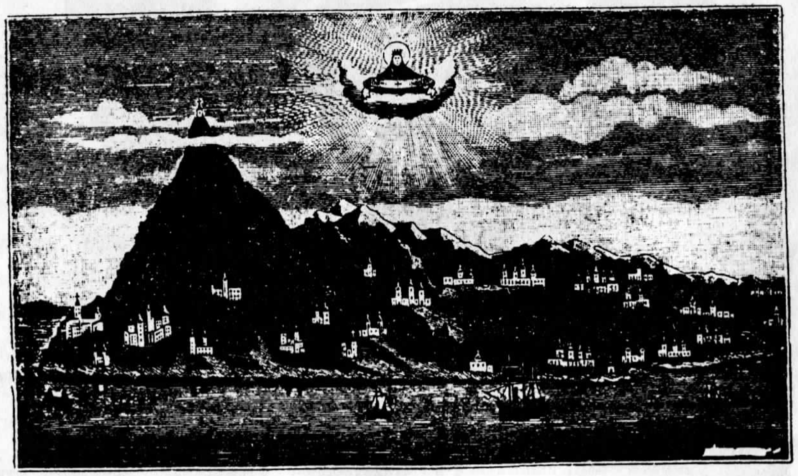
Великій старецъ схимонахъ и Архимандритъ
Паисій Величковскій,
основатель и игуменъ общежительнаго скита св. пророка Иліи на святой Аѳонской горѣ, а послѣ игуменъ Нямецкаго и другихъ монастырей въ Молдавіи.

*) „Заключеніе", написанное въ стихотворной формѣ, нами помѣщено буквально съ подлинника, безъ перевода на русское нарѣчіе.

нихъ научайте. Молю же и васъ: дѣлы сія творите; сихъ бо ради, вѣчныхъ благъ улучите; да въ немерцающемъ свѣтѣ со ангелы выну вѣчную жизнь получите. Яко тамо сущіе Бога выну славятъ, Троицу со ангельскими лики присно славословятъ. О, каково дарованіе земнымъ даруетъ Богъ въ небѣ, во еже угодите Ему пріимутъ Его къ своей потребѣ!

Любезный о Христе всѣхъ Царю, сподоби насъ человѣколюбія Своего, еже наслѣдникомъ быти царствія Твоего!

Васъ же, читатели, о семъ любезно умоляю: своей же грубости исправленія желаю; но и паче своимъ благоразуміемъ наша исправи: смиренно и милостиво рабу Твоему, Владыко, остави. Еже усердіе мое въ семъ болѣе возлюби, рачительныхъ моихъ трудовъ вотще не положи.

Святая гора Аѳонъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изданіе Оптиной Пустыни